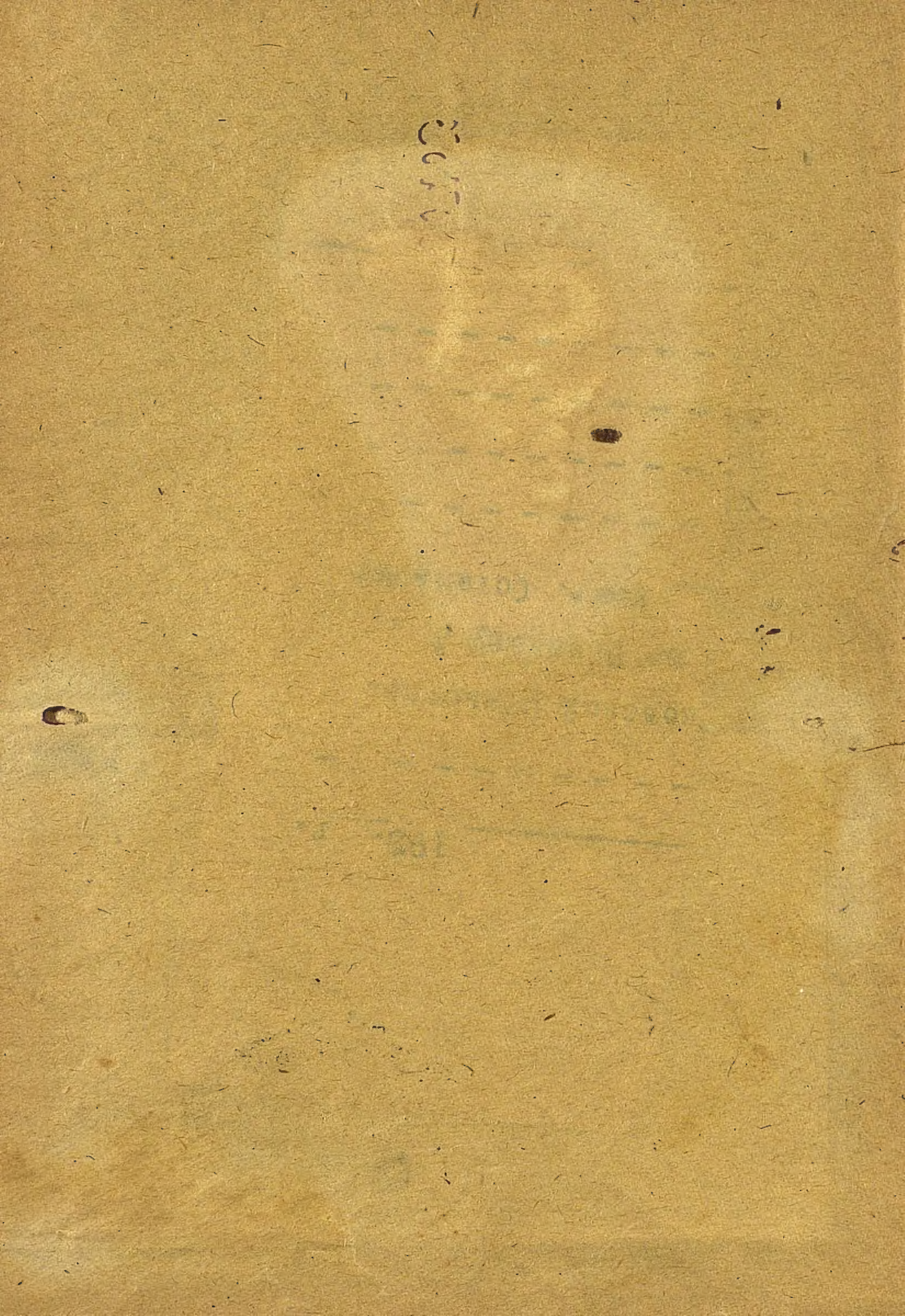

947
3-347
947
3-347

1812 ГОДЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Составилъ **А. Е. Заринъ**

Съ рисунками и портретами.

Плѣнные французы. — Съ карт. Прянишникова.

Изданіе В. И. ГУБИНСКАГО.

Свѣтлый Воинъ Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Историческая повѣсть временъ царствованія Бориса Годунова, Лжедмитрія и Василія Шуйскаго. Соч. **Л. Чарской**; съ рисун. художника Андреева и др. 365 стр., Спб., ц. 2 р. Въ этомъ произведеніи талантливый авторъ исторически вѣрно описываетъ картину жизни Русскаго народа въ періодъ смутнаго времени (1605—1612 годахъ), а именно послѣ смерти Царя Бориса слѣдуетъ трагическая смерть и его семьи. Царствованіе Чуднаго Лжедимитрія. Бунтъ народа противъ самозванца и смерть его. Появленіе второго самозванца, названнаго исторіей „Тушинскій воръ". Избраніе въ цари В. М. Шуйскаго и неумѣлое его правленіе Русью, вслѣдствіе чего явилась измѣна бояръ и воеводъ, и равнодушіе войска и народа погрузили страну въ анархію. Въ это тяжелое время къ спасенію Россіи явились истинные патріоты родины: Мининъ, Палицынъ, Пожарскій, Ляпуновъ, а въ особенности выдѣлившійся изъ нихъ молодой князь Скопинъ-Шуйскій,—племянникъ царя, который несмотря на свои юношескіе годы былъ одаренъ сильнымъ умомъ, стойкостью воли и несомненнымъ воинскимъ дарованіемъ, и этотъ „свѣтлый воинъ" успѣшно боролся съ поляками, осаждавшими Троицкую Лавру, съ мятежниками казаками, „Тушинскимъ воромъ" и прочимъ сбродомъ, грабившимъ Россію со всѣхъ концовъ. Князь Михаилъ и самъ не сознавалъ того необычайнаго дѣйствія, которое онъ производилъ на враговъ. Но когда его бѣлый конь появлялся на ратномъ полѣ у стѣнъ осажденнаго города, или когда его острый мечъ поднимался въ сторону врага, трепетъ охватывалъ послѣдняго. Что-то великое, не земное было въ грозной боевой фигурѣ юнаго стратега. Какою-то затаенною страшною силой обладало все его существо. Онъ какъ бы воплощалъ собою другого вождя и воина—побѣдоносца Георгія, который и былъ изображенъ на знамени князя, постоянно сопровождавшаго его въ бою.

Смѣлые, Сильные, Храбрые! Три историческія повѣсти **Л. Чарской**. Долой Перуна.—Крещеніе Руси.—Подъ звонъ вѣчевого колокола.—Марфа Посадница.—Сюмбека, царица Казанская.—Покореніе Казани. Съ рис. худож. М. А. Андреева, Б. Чирикова, снимки съ картинъ А. М. Васнецова, Г. Угрюмова и др.; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к. Въ первомъ разсказѣ описывается какъ совершилось великое событіе Крещенія Руси; во второмъ разсказѣ—Паденіе Великаго Новгорода—нарисована картина жизни и дѣятельности Новгородцевъ и Марфы Посадницы въ эпоху его могущества, а затѣмъ и его политической гибели; третій разсказъ, это эпизодъ изъ покоренія Казани. Книжка читается съ интересомъ какъ и всѣ произведенія Л. Чарской, талантливой писательницы.

О быломъ. Русскіе историческіе разсказы. Сочиненіе **Г. Т. Сѣверцова-Полилова**, съ 60 рис. художн. Н. Захарова Спб., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к. Лихолѣтье. Ради Господа. У Святого ручья. Новое лѣто. Царскій перспективныхъ дѣлъ мастеръ. Великая сила. Первый Спасъ. Книжное наученіе. Безъ вины. Царевъ указъ. Царскіе полотнянники. Прощеные дни. Въ недѣлю Вайй. Въ царициной службѣ. Маленькіе работники. Заспалъ. Попугай. Екатерина Великая. Кто крѣпче. Паракита. Царевъ Варганистъ.

Военныя похожденія Фридерикса въ 1812 г. Историч. разсказъ для юношества и народа, изъ эпохи нашествія Наполеона на Москву. **В. О. фонъ-Горна**, перев. Г. А. Чарусскаго, съ рис., ц. 35 к.

Дѣти на войнѣ. Соч. **Л. Ф. Черскаго**. Разсказы изъ эпохи черырехъ войнъ. Въ папкѣ, съ рис. худ. Шлипера. Спб. 1910 г. Стр. 118, и. 50 к. „Не безъ интереса прочтутся юнымъ поколѣніемъ. Для дѣтей средняго возраста разсказы Л. Ф. Черскаго „Дѣти на войнѣ", въ которыхъ передается нѣсколько эпизодовъ изъ войнъ: крымской, отечественной, турецкой и японской. Разсказъ о дѣтяхъ русскихъ и не русскихъ, которымъ приходилось принимать участіе въ этихъ войнахъ, ведется живо и занимательно" („Новое Время").

1812 ГОДЪ.

Историческій очеркъ Отечественной войны.

Составилъ **А. Е. Заринъ.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Война 1812-го года, вторженіе Наполеона съ несмѣтными полчищами въ Россію и позорное бѣгство его съ жалкими остатками разноплеменной арміи, пережитые ужасы войны, моменты печали и унынья, торжества и ликованія—всѣ эти эпизоды составляютъ драгоцѣннѣйшія страницы нашей родной исторіи, которыя долженъ знать каждый русскій. Въ дружеской бесѣдѣ, въ воспоминаніяхъ о прошломъ мы любимъ разсказывать о томъ или другомъ подвигѣ или хорошемъ поступкѣ своихъ отца, дѣда и гордимся ихъ заслугами. Какъ же не любить намъ разсказы о подвигахъ нашего народа въ далекомъ прошломъ? какъ же не повторять эти разсказы и не гордиться ими? Только такими воспоминаніями и укрѣпляются любовь къ своему отечеству и гордость сознанія быть сыномъ своей родины.

Нѣтъ русской семьи, предки которой въ приснопамятный 1812-ый годъ не были бы героями и не стремились-бы отдать и имущество свое, и жизнь свою на защиту Россіи.

Это былъ тяжелый годъ. Грозили цѣлости Россіи, замышляли уничтожить ее и подчинить иноземному игу. Въ Россію хлынули несмѣтныя полчища, неся съ собою пожары, убійства, разоренія. Гдѣ протекали волны враговъ, тамъ оставались однѣ развалины. Въ пепелъ былъ обращенъ Смоленскъ, огромнымъ костромъ запылала Москва, въ которую вторгся непріятель. Подобное бѣдствіе Россія пережила въ 1612 году, когда поляки съ казаками наводнили Россію и заняли Москву. Но и тогда, и послѣ — черезъ 200 лѣтъ—она сбросила съ себя ненавистныхъ напавшихъ на нее враговъ, поднявшись всей своей силой. Ни войска съ генералами, ни хитрые военные планы разбили полчища Наполеона, и уничтожили его гордыню, а весь народъ, поднявшійся на защиту

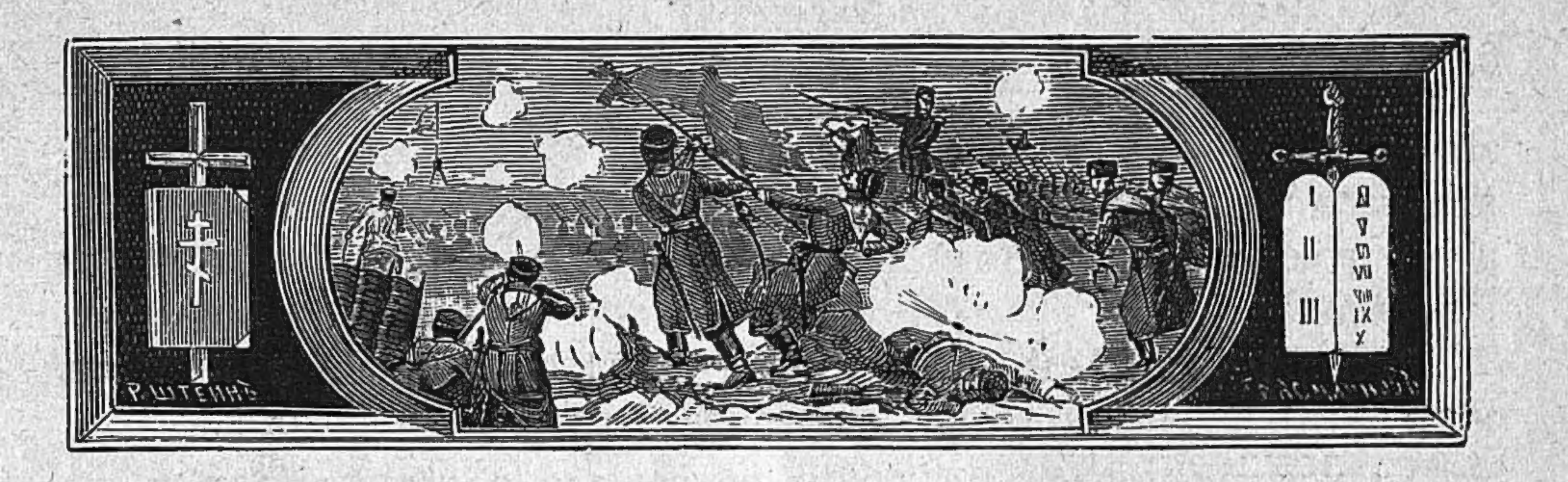
своего Отечества. И царь, и генералы, и солдаты, и пахарь-мужикъ, и баринъ-помѣщикъ — всѣ слились въ одно цѣлое, непобѣдимо могучее, одушевленное любовью къ Россіи и ненавистью къ кичливому врагу. Слова Царя: „не положу оружія, доколѣ не единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“ стали общимъ кличемъ. И гнѣвъ народа, какъ ураганъ, разметалъ и снесъ прочь несмѣтную вражескую силу.

Вотъ почему война 1812-го года названа въ нашей исторіи „Отечественной войной“. Это была война за Отечество, за его цѣлость, спокойствіе и за его славу.

Вотъ почему войну эту и всѣ эпизоды, къ ней относящіеся, долженъ знать каждый русскій, любящій свою родину.

---

12 разсказовъ о 1812 годѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Кто былъ Наполеонъ и почему онъ затѣялъ войну съ Россiей.

Наполеонъ Бонапартъ, императоръ французскiй, не былъ даже французомъ. Онъ родился на островѣ Корсика и въ немъ было много итальянской крови. Учился онъ въ французской военной школѣ и вышелъ поручикомъ артиллерiи во французскую армiю.

Понятно, это былъ необыкновенный человѣкъ. Проницательный, умный, дальновидный, рѣшительный въ дѣйствiяхъ, упорный въ достиженiи цѣли, отважный до дерзости и, несомнѣнно, генiальный полководецъ, онъ сознавалъ, что ему предстоитъ блестящая будущность, и имѣлъ страшное честолюбiе, которое потомъ и погубило его.

Для начала своего возвышенiя ему нуженъ былъ только случай. Францiя переживала смутное время. Народъ только что освободился отъ королевской власти и учредилъ республику. Вначалѣ во главѣ управленiя становился каждый, кто былъ отважнѣе и наглѣе. Кровь лилась рѣкою. Царили произволъ и сила. Въ тоже время Францiи приходилось вести войну и съ Испанiей, и съ Австрiей. И вотъ, когда въ войнѣ съ Австрiей въ Италiи французамъ необходимо было взять ихъ крѣпость Тулонъ, — выдвигается молодой капитанъ Бонопартъ. Онъ беретъ на себя командованiе войскомъ и такъ искусно пользуется пушками, что быстро овладѣваетъ крѣпостью. Этотъ подвигъ обратилъ вниманiе правительства на Наполеона, его быстро повысили въ чинахъ и онъ вернулся изъ этого похода уже генераломъ. Вскорѣ послѣ того онъ былъ посланъ въ Египетъ и, когда вернулся изъ этого похода,

то имѣлъ уже цѣлое войско преданныхъ ему солдатъ и славу великаго полководца. Въ это время для управленія страною французы рѣшили назначить консула и этимъ консуломъ избрали Наполеона.

Наполеонъ былъ прежде всего полководецъ. Онъ не могъ жить безъ войны и тотчасъ предпринялъ рядъ походовъ.

Въ то время всякая война обогощала солдатъ. Взятый городъ отдавался на разграбленіе и, понятно, солдаты не могли не любить того полководца, который давалъ имъ побѣды, а съ ними и добычу.

Наполеонъ для своихъ солдатъ являлся и отцомъ, и владыкой. За нимъ они готовы были итти въ огонь и въ воду и онъ, опираясь на ихъ штыки и сабли, быстро изъ консуловъ Франціи обратился въ императора.

Французы видѣли, какъ онъ своими побѣдами увеличиваетъ могущество и славу Франціи и радостно привѣтствовали его.

Такъ безвѣстный поручикъ артиллеріи сдѣлался могущественнымъ императоромъ Франціи и одно время властителемъ Европы, исключая Россію съ ея императоромъ Александромъ І-мъ.

Покойный императоръ Павелъ І-ый, провидя могущество Наполеона, стремился къ дружбѣ съ Франціей и отворачивался отъ Англіи, которая находилась съ Франціей въ постоянной враждѣ. Вступившій на престолъ Александръ І-ый не стремился къ союзу съ Наполеономъ и желалъ только мира, увлеченный внутренними преобразованіями государства.

Въ это время война Франціи съ Англіей разгорѣлась съ новой силой. Въ ней приняли участіе и другіе государства. Всѣ думали о войнѣ. Австрія, враждуя съ Франціей, рѣшила начать съ ней войну. Александръ І-ый, желая водворить миръ въ Европѣ и чувствуя возростающее могущество Наполеона, сначала вступилъ въ переговоры, желая примирить враждебныя стороны, но затѣмъ, не достигнувъ цѣли, двинулъ русскую армію на помощь Австріи. Наполеонъ опередилъ русскихъ и разбилъ австрійскія войска при Ульмѣ. Слѣдомъ за этимъ онъ одержалъ побѣду и подъ Аустерлицомъ, гдѣ противъ него уже выступили и наши войска въ союзѣ съ австрійскими. Императоръ Австріи, Францъ,

подписалъ въ Пресбургѣ мирный договоръ; императоръ Александръ вернулъ свои войска въ Россію. Это было первое столкновеніе императора Александра съ Наполеономъ.

Наполеонъ въ то время уже мечталъ втайнѣ подчинить себѣ всю Европу, и только Россія съ Александромъ являлась для него, видимо, непобѣдимой. Александръ, въ свою очередь, проникъ въ тайныя мысли Наполеона и въ порывѣ великодушія предупреждалъ всѣхъ о грозящей отъ него опасности и звалъ Англію, Австрію и Пруссію соединиться съ нимъ для дружной борьбы съ Наполеономъ. Но Наполеона боялись всѣ. Онъ занялъ своими войсками почти всю Пруссію, разбивъ пруссаковъ при Іенѣ, дошелъ до Вислы и здѣсь встрѣтился съ русскими войсками. Семь мѣсяцевъ длилась кровавая война. Александру никто не приходилъ на помощь. Эта война окончилась знаменитымъ Тильзитскимъ миромъ 25 Іюня 1807 г., однимъ изъ условій котораго былъ нашъ разрывъ съ ненавистными Наполеону Англіей и Швеціей.

Наполеонъ.

Послѣ этого мира наступилъ періодъ кажущейся дружбы Наполеона съ Александромъ. Они обмѣнивались письмами и подарками. Въ это самое время и тотъ, и другой были отвлечены военными заботами. У насъ продолжалась война съ Турціей. Наполеонъ захотѣлъ посадить на испанскій престолъ одного изъ своихъ братьевъ и послалъ войско въ Испанію, но крошечная страна рѣшилась съ оружіемъ въ рукахъ защищать права своего короля, и Наполеону, сверхъ ожиданія, пришлось вести тамъ ожесточенную и неудачную войну.

Это повторяется вездѣ, гдѣ народъ самъ поднимается на защиту своихъ правъ.

Въ это же время Австрія задумала снова вступить въ борьбу съ Наполеономъ и была имъ почти раздавлена.

Несмотря на неудачи въ Испаніи, могущество Наполеона въ

Европѣ возрастало, и онъ, сознавая силу и величіе Александра I-го, началъ чувствовать къ нему непріязнь, какъ къ сопернику.

Непріязнь эта еще болѣе обострилась, когда въ 1809 году онъ осмѣлился посвататься къ нашей великой княжнѣ, сестрѣ Государя, и получилъ отказъ. Наполеонъ въ то время уже былъ властителемъ почти всей Европы; въ войнѣ онъ не зналъ неудачъ, и войска его всегда одерживали побѣды. Не было въ мірѣ человѣка, который не зналъ бы его имени, и одни преклонялись передъ нимъ, другимъ онъ казался чудовищемъ.

Ослѣпленный могуществомъ, онъ задумалъ породниться съ русскимъ императорскимъ домомъ. Ужасъ, внушаемый имъ, былъ такъ великъ, что вдовствующая императрица готова была согласиться на этотъ бракъ и уже приготовляла дочь свою принести себя въ жертву ради мира и спасенія Отечества, —но благородное сердце Александра въ вопросѣ счастья своей сестры не знало колебаній, и онъ твердо отказалъ въ искательствѣ Наполеона.

Это былъ страшный ударъ самолюбію Наполеона и онъ не могъ забыть такой, какъ ему казалось, обиды.

Немедленно вслѣдъ за этимъ онъ посватался къ австрійской эрцгерцогинѣ, гдѣ встрѣтить отказа не могъ, и женился на ней.

Въ его головѣ уже зародилась чудовищная мысль о всемірномъ владычествѣ.

На высотѣ, до которой онъ добрался, уже кружилась голова, и ему казалось возможнымъ все.

Въ то время не было могучей Германіи, а была Пруссія и множество мелкихъ нѣмецкихъ государствъ — Баварское, Саксонское, Вертембергское и друг. Ихъ короли и владѣтельные князья были въ совершенной зависимости отъ Наполеона. Онъ лишалъ ихъ престоловъ, награждалъ, измѣнялъ границы ихъ владѣній. Такъ онъ назначилъ брата своего королемъ Вестфальскимъ, маленькаго сына — Римскимъ императоромъ, маршала Мюрата — королемъ Неаполитанскимъ.

Міръ казался ему подвластнымъ. Для борьбы съ ненавистой Англіей онъ придумалъ особую систему, по которой всѣ государства, составляя союзъ, прерывали торговыя сношенія съ нею и такимъ образомъ губили ее.

Все было въ его власти, и только грознымъ призракомъ

стояла Россія съ императоромъ Александромъ во главѣ. Но онъ уже не боялся ея; онъ уже былъ ослѣпленъ и задумалъ уничтожить Россію, разбить ея войска и отодвинуть границы ея чуть не за Уралъ.

Въ своихъ сношеніяхъ съ Александромъ онъ выказывалъ дружбу и расположеніе, самъ же искалъ только предлога къ разрыву и уже понемногу готовился къ великой войнѣ.

Предлоги нашлись очень скоро. Поляки, видя побѣдныя дѣйствія Наполеона, возомнили, что онъ освободитъ ихъ отъ Русской короны и образуетъ самостоятельное польское королевство. Въ Польшѣ начались броженія. Еще во время свиданія въ Тильзитѣ при разговорѣ о Польшѣ, Наполеонъ объявилъ Александру, что онъ никогда не думалъ о польской самостоятельности, что онъ обѣщаетъ уничтожить самое слово „полякъ" на страницахъ исторіи. Императоръ Александръ не хотѣлъ этого, но стремился имѣть въ своихъ владѣніяхъ спокойствіе и вслѣдствіе этого пожелалъ, что бы Наполеонъ подтвердилъ свои обѣщанія договоромъ. Договоръ былъ составленъ, но Наполеонъ вдругъ отказался скрѣпить его. Въ то же время онъ сталъ явно оказывать расположеніе полякамъ.

Императоръ Александръ I-й.

Въ своемъ властолюбіи и сознаніи силы онъ самовластно присоединилъ къ себѣ часть Тироля, Вестфальское королевство, вольные города Бременъ, Любекъ и Гамбургъ, Голландію, а затѣмъ объявилъ герцогу Ольденбургскому, что онъ занимаетъ его герцогство и предлагаетъ ему или продать его, или взять взамѣнъ иное владѣніе. Домъ Ольденбургскаго былъ тѣсно связанъ съ нашимъ императорскимъ домомъ, и Александръ тотчасъ заявилъ протестъ противъ такаго насилія, но Наполеонъ не принялъ его протеста и занялъ герцогство.

Въ это же время, благодаря обязательству не торговать съ Англіей, въ Россіи скоро прекратился вывозъ мяса и хлѣба. Ря-

домъ съ этимъ Францiя наводняла Россiю своими товарами. У насъ произошла остановка въ торговыхъ оборотахъ, упала промышленность, понизились цѣнности. Тогда Государь издалъ тарифъ, по которому товары изъ Францiи оплачивались пошлиной, и затѣмъ разрѣшилъ приходить въ наши гавани судамъ подъ американскимъ флагомъ.

Эти рѣшенiя и мѣры возмутили Наполеона. Онъ уже сталъ говорить, что Александръ не исполняетъ условiй договора и ищетъ разрыва съ нимъ.

Въ то же время онъ назначилъ во Францiи усиленный наборъ рекрутъ и сталъ входить въ переговоры съ своими союзниками. Война, замышляемая имъ, была необыкновенна и для нея нужны были необыкновенныя войско и средства.

Александръ то-же объявилъ рекрутскiй наборъ и сталъ укрѣплять пограничныя крѣпости.

Въ то же время и Наполеонъ, и Александръ обмѣнивались дружескими письмами. Александръ искренно желалъ мира, Наполеонъ желалъ усыпить его подозрѣнiя.

Наступилъ 1811 годъ.

Вопросы объ отношенiи къ Польшѣ, о возвращенiи герцогства Ольденбурга, о тарифѣ и о торговлѣ съ Англiей все еще не были рѣшены. Отношенiя становились натянутыми. Наполеонъ наводнилъ сѣверную Германiю войсками и тогда Александръ двинулъ свои армiи къ границамъ.

Нашъ посолъ и посланный Александромъ въ Парижъ Чернышевъ постоянно писали о громадныхъ приготовленiяхъ Наполеона къ войнѣ.

Скоро стало извѣстно, что онъ заключилъ союзъ съ Австрiей, по которому она должна была въ случаѣ войны съ Россiей прислать ему армiю въ 30.000, и съ Пруссiей, по которому Пруссiя доставляла ему 20.000 солдатъ.

Въ свою очередь Александръ заключилъ союзъ съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ Бернадотомъ.

Наступилъ 1812 годъ.

Уже не для кого не было тайной, что война Францiи съ Россiей неизбѣжна.

Александръ не желалъ войны. Не скрывая правды, надо

сказать, что у насъ ея боялись. Имя Наполеона, какъ непобѣдимаго полководца, было окружено славой.

Но французскія войска уже приблизились къ Одеру, и Государь двинулъ наши силы къ Нѣману.

Переговоры продолжались, но всѣ уже понимали, что это только стремленія Наполеона затянуть начало войны и усилить свои средства.

9-го апрѣля 1812 года Государь выѣхалъ изъ Петербурга въ Вильну, гдѣ находилась главная квартира 1-ой арміи.

Передъ отъѣздомъ Государь слушалъ молебствіе въ Казанскомъ соборѣ. Ни для кого не было тайной настоящая причина отъѣзда Его, и всѣ сердца слились въ одной горячей молитвѣ — отвратить отъ Россіи грядущее бѣдствіе войны.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Наканунѣ войны и начало военныхъ дѣйствій.

Теперь необходимо взять карту Россіи, той ея части, гдѣ происходили военныя дѣйствія и уже дальше каждый разъ смотрѣть на нее.

Наполеонъ окончательно приготовился къ войнѣ. Страшно сказать, но къ началу войны онъ собралъ войско, численомъ въ одинъ милліонъ сто восемьдесятъ семь тысячъ человѣкъ!

Изъ этихъ войскъ часть должна была остаться на родинѣ, часть оберегать границы и занимать крѣпости, часть воевать въ непокоренной еще Испаніи; изъ остальной же массы Наполеонъ составилъ свою, какъ онъ назвалъ, „великую армію“, численность которой со всѣми чиновниками и служащими доходила до 700.000 человѣкъ Лошадей было 187.111; пушекъ 1,372. Въ эту армію входили всѣ народы Европы, исключая только турокъ, шведовъ и англичанъ.

Это было настоящее нашествіе „двунадесяти языковъ“, противъ которыхъ мы могли выставить всего 218,000 человѣкъ.

Эти 218,000 были раздѣлены на три арміи: 1-я западная

имѣла 127,000 и состояла подъ начальствомъ генерала Барклая де-Толли, который былъ и военнымъ министромъ; 2-я западная имѣла всего 48,000 и ею командовалъ князь Багратіонъ, знаменитый генералъ, котораго въ юныхъ годахъ отличалъ самъ Суворовъ, и 3-я резервная армія имѣла только 43,000 и находилась подъ командою генерала Тормасова, на долю котораго выпала первая побѣда надъ французами.

Таковы были силы наши и враговъ нашихъ. Правда, у насъ еще были двѣ арміи на Дунаѣ, но онѣ обѣ были заняты войною съ Турціей, и Александръ торопилъ Кутузова скорѣе заключить миръ и освободить войско, но Наполеонъ мѣшалъ этому, внушая туркамъ увѣренность въ ихъ побѣдѣ.

Государь пріѣхалъ въ Вильну и тотчасъ занялся осмотромъ арміи. Каждый день онъ уѣзжалъ и производилъ смотры отдѣльнымъ частямъ войска, вездѣ находя порядокъ, бодрое состояніе духа и готовность умереть за Отечество.

Одушевляя войска своимъ присутствіемъ, Государь жилъ простою походною жизнью. Онъ вставалъ въ 6 час. утра, завтракалъ 2 яйцами въ смятку и ѣхалъ на смотры, по дорогѣ останавливаясь у окрестныхъ помѣщиковъ и очаровывая всѣхъ своей любезностью.

Почти въ то же время Наполеонъ пріѣхалъ въ Дрезденъ. Его свиту составляли короли и владѣтельныя особы. Всѣ ему льстили. Онъ съ хвастливостью говорилъ о предстоящей войнѣ. Это была высшая точка, до которой взошла его звѣзда; ни онъ, ни окружающіе не подозрѣвали, что она скоро станетъ меркнуть. Несмѣтныя полчища враговъ текли безпрерывными колоннами къ Вислѣ и дальше, къ Нѣману. Это было второе переселеніе народовъ. Шли пѣхотинцы, двигалась, вздымая пыль, кавалерія, гремя подвигалась артиллерія, а дальше тянулись обозы, повозки съ аммуниціей, шли цѣлыя стада—и всюду гдѣ проходило громадное войско, оно оставляло слѣды опустошенія, разоряя страну.

Наконецъ, и самъ Наполеонъ, насладившись сознаніемъ своего могущества и утомившись развлеченіями, покинулъ Дрезденъ

и быстро направился къ своей великой, разноплеменной арміи. Пріѣхавъ въ Торнъ, онъ отдалъ окончательное приказаніе двинуться войскамъ къ границамъ Россіи.

Пріѣхавъ въ Вилковискъ, онъ продиктовалъ хвастливый приказъ своей арміи:

„Солдаты! вторая война польская началась!... таковы первыя слова приказа. Дальше онъ говоритъ: „Россія увлекается рокомъ. Судьба ея должна исполнится... пойдемъ же впередъ! перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ русскіе предѣлы... вторая польская война, подобно первой, прославитъ оружіе французское“...

Этотъ приказъ особенно воспламенилъ поляковъ. Они вообразили, что Наполеонъ дѣйствительно стремится востановить польское королевство.

11-го іюня Наполеонъ выѣхалъ изъ Вилковиска по дорогѣ въ Ковно, куда уже стянулись его главныя силы.

Теперь непріятельскую армію отдѣляла отъ русской только рѣка Нѣманъ.

Справа и слѣва отъ Вильно расположилась наша 1-я западная армія съ Барклаемъ-де-Толли и Государемъ; у Вилковиска, Новаго двора и Зельвы стала 2-я армія Багратіона; 3-я—Тормасова—стала у Луцка, а 16 казачьихъ полковъ подъ начальствомъ атамана Платова занимали Гродно.

Общій планъ военныхъ дѣйствій былъ составленъ оборонительный. Едва непріятель вступитъ въ предѣлы Россіи, тотчасъ 1-я армія начнетъ отступать. Въ это время 2-я армія и казаки Платова должны будутъ дѣйствовать на непріятеля сбоку и съ тыла, а 3-я армія или помогать Багратіону, или отступать на Кіевъ. Мѣстомъ, до котораго отступать и гдѣ потомъ соединиться обѣимъ арміямъ для отраженія непріятеля, было намѣчено у Дриссы, на берегу Двины, гдѣ уже былъ приготовленъ укрѣпленный лагерь.

По ту сторону Нѣмана растянулись несмѣтныя полчища Наполеона отъ Тильзита до Дрогочина, въ центрѣ которыхъ противъ Ковно стоялъ Наполеонъ со своей гвардіей.

Война начиналась, но какъ всегда бываетъ послѣ долгихъ ожиданій, разразилась неожиданно.

Съ апрѣля мѣсяца Государь находился въ Вильнѣ, съ часа на часъ ожидая военныхъ дѣйствій. Прошелъ апрѣль, промелькнулъ май, начался іюнь, а дѣла оставались все въ томъ же положеніи. Томясь бездѣйствіемъ, офицеры свиты задумали устроить балъ. Государь разрѣшилъ его и обѣщалъ самъ на немъ присутствовать. Въ окрестностяхъ Вильно, въ Закретѣ, въ домѣ Бенигсена на нарочно устроенной эстрадѣ 12-го іюня открылся блестящій балъ, и въ это же время послѣ полуночи несмѣтныя полчища Наполеона уже переходили черезъ Нѣманъ на русскую землю по тремъ наведеннымъ мостамъ между Ковно и Понемунями.

Наполеонъ не терялъ времени. 11-го числа онъ прибылъ къ арміи и тотчасъ узналъ о расположеніи нашихъ войскъ.

Тогда у него явилась мысль съ имѣющимися подлѣ него 250,000 человѣкъ немедля перейти черезъ Нѣманъ и разбить по частямъ стоящую передъ нимъ 1-ю русскую армію; послѣ чего устремиться на вторую и разбить ее точно также.

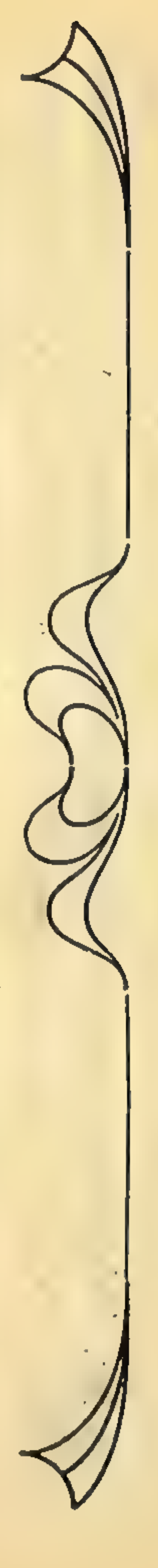
Этотъ планъ онъ рѣшилъ привести въ исполненіе немедля.

Передовые французскіе отряды находились въ разныхъ мѣстахъ по самому берегу Нѣмана. 12-го іюня рано утромъ къ полку польскихъ уланъ примчалась, въ сопровожденіи двухъ всадниковъ, карета. Изъ нея вышелъ Наполеонъ съ начальникомъ штаба Бертье; оба переодѣлись въ польскіе мундиры и поѣхали верхомъ осматривать мѣстность.

Нѣсколько часовъ спустя Наполеонъ пріѣхалъ второй разъ уже съ инженернымъ генераломъ и, указавъ ему пункты, приказалъ къ вечеру навести три моста.

Къ этимъ мѣстамъ переправы начали медленно сдвигаться 250,000. Тутъ были и пѣхота, и кавалерія, и артиллерія съ пушками и зарядными ящиками. Наполеонъ отдалъ строгій приказъ стараться не производить шума и къ ночи не разводить бивачныхъ огней, чтобы не выдать своего присутствія русскимъ, стоящимъ напротивъ. Въ этомъ мѣстѣ въ крошечной деревнѣ находился отрядъ лейбъ-казаковъ подъ начальствомъ Жмурина.

Наступилъ вечеръ. Закатилось солнце. Наполеонъ вновь пріѣхалъ на мѣсто переправы и при немъ стали наводить мосты. При немъ-же на понтонахъ 300 человѣкъ польскихъ уланъ переправились на другой берегъ и заняли деревню, гдѣ стояли наши

Вступленіе Наполеона въ Россію. Съ картины Я. Желмовскаго.

казаки. Жмуринъ тотчасъ послалъ донесенiе Орлову-Денисову о начавшейся переправѣ. Казаки и поляки стали перестрѣливаться, и громъ ихъ выстрѣловъ впервые огласилъ пустынные берега Нѣмана.

Графъ Орловъ-Денисовъ.

Война началась.

Въ нѣсколько часовъ были наведены мосты и послѣ полуночи заколыхались подъ тяжестью проходившихъ войскъ. Наполеонъ стоялъ на берегу и лицо его сiяло радостью. Онъ уже видѣлъ свои побѣды, торжественный въѣздъ въ Москву, униженiе Русскаго Царя и дарованный имъ Россiи миръ.

Того, что должно было случиться, не предвидѣлъ никто, а въ это время счастливая звѣзда Наполеона уже начала спускаться къ закату.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда министръ полицiи, генералъ Балашевъ, приблизился къ Александру и незамѣтно сообщилъ ему о вторженiи непрiятеля въ Россiю. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ царя.

Не подавая никому вида о полученiи страшнаго извѣстiя, Онъ пробылъ еще нѣкоторое время на балу и, оставивъ шумный залъ, незамѣтно удалился въ свои покои, гдѣ провелъ всю ночь за кипучей работой вмѣстѣ съ Барклаемъ-де-Толли, а потомъ съ государственнымъ секретаремъ Шишковымъ.

Вмѣстѣ съ Барклаемъ Онъ рѣшилъ тотчасъ начать отступленiе къ Дриссѣ, такъ какъ непрiятель находился въ несравненно большей силѣ. Вмѣстѣ съ Шишковымъ онъ составилъ проектъ приказа по войскамъ и письма къ графу Салтыкову для оповѣщенiя Петербурга.

Въ приказѣ по войскамъ Онъ объяснилъ все коварство Наполеона и окончилъ приказъ воззваніемъ: „Я съ вами. На начинающаго Богъ!“.

Въ письмѣ графу Салтыкову онъ написалъ свои знаменитыя слова: *„Я не положу оружія, доколѣ не единаго непріятелснаго воина не останется въ царствѣ моемъ“*.

Эти слова стали военнымъ кличемъ, стали священной клятвой для всей Россіи. Въ этихъ словахъ было рѣшеніе судьбы Наполеона.

Но и въ этотъ рѣшительный моментъ Александръ всетаки счелъ долгомъ сдѣлать послѣднюю попытку къ примиренію, потому что сознавалъ ясно, сколько бѣдствій поведетъ за собою такая страшная война, гдѣ на поляхъ сраженій столкнутся сотни тысячъ людей.

Въ два часа по полуночи 13-го числа онъ позвалъ къ себѣ Балашева и приказалъ ему ѣхать съ письмомъ къ Наполеону, въ которомъ предлагалъ ему немедленно увести войска назадъ за Нѣманъ и затѣмъ вступить въ мирные переговоры.

— Въ противномъ случаѣ,—сказалъ Государь,—даю Наполеону обѣщаніе: *пока хоть одинъ вооруженный французъ, будетъ въ Россіи, не говорить и не принимать ни одного слова о мирѣ.*

Каждая фраза Государя была какъ бы клятвой, которую тотчасъ принимала и вся Россія. Тщетно потомъ Наполеонъ писалъ Александру: презрительное молчаніе было ему отвѣтомъ.

Балашевъ уѣхалъ. Слѣдомъ за нимъ Государь оставилъ Вильну и отправился въ Свѣнцяны.

Въ это же время войска Наполеона оканчивали безпрепятственно переправу, заняли Ковно и въ городъ въѣхалъ Наполеонъ, гдѣ имѣлъ первый ночлегъ на русской землѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

До перваго боя.

Наполеонъ почти немедля двинулся всѣми силами на Вильну, чтобы занять ее и нанести пораженіе 1-й арміи,—но этотъ планъ ему не удался. По распоряженію Государя войска уже начали свое отступленіе.

Всѣ отдѣльныя части 1-й арміи получили приказъ стягиваться къ Свѣнцянамъ, итти на Свѣнцяны было приказано и Платову съ казаками и, наконецъ, Багратіону со 2-й арміей. Онъ долженъ былъ итти на Вилейку, а въ случаѣ невозможности—на Минскъ и Борисовъ, стремясь соединиться съ 1-й арміей.

Всѣ войска пришли въ движеніе. Барклай-де-Толли оставилъ Вильну, къ которой уже приближался Наполеонъ.

Вторженіе непріятельской арміи уже тотчасъ ознаменовалось страшными бѣдствіями для несчастныхъ жителей мѣстностей ближайшихъ къ Ковно. 13-го и 14-го числа громадная въ 250,000 человѣкъ армія скучилась въ мѣстности между Нѣманомъ и Виліей. Обозы подойти еще не успѣли, и вся эта масса вооруженныхъ, наглыхъ и голодныхъ людей разсыпалась по окрестностямъ, истребляя все, какъ саранча. Были ограблены всѣ дома, были угнаны всѣ стада, были вытоптаны всѣ поля и всюду отъ неосторожности задымились пожары. Среди ограбленныхъ были и убитые, и оскорбленные. Люди, жившіе въ достаткѣ, сразу обратились въ нищихъ; край, полный довольства, сразу былъ разоренъ.

Наполеонъ по дорогѣ видѣлъ съ воплями бѣгущихъ жителей, видѣлъ обезумѣвшихъ отъ отчаянья, видѣлъ зарево пожаровъ и уже до его слуха доносились проклятія.

Онъ не обратилъ на это вниманія, быстро слѣдуя къ Вильно, которую и занялъ 16-го іюня. Здѣсь въ той самой комнатѣ, изъ которой Александръ 13-го числа давалъ свои порученія Балашеву, Наполеонъ 17-го числа принималъ уже этого самаго посланнаго Государя.

Въ рѣзкихъ фразахъ онъ отказался отъ условій предлагаемыхъ Александромъ.

— Не затѣмъ я перешелъ Нѣманъ, чтобы возвращаться,— сказалъ онъ и послѣ этого долго хвастался своими громадными силами.

То самое населеніе, которое криками „ура“ привѣтствовало Александра, теперь съ еще большимъ восторгомъ встрѣтило Наполеона. Дома были украшены флагами и коврами, съ вечера весь городъ освѣтился иллюминацiей. Каждый день жители устраивали кокое-нибудь празднество. Вся польская знать съѣхалась въ Вильну, гдѣ Наполеонъ пробылъ до 4-го іюля.

Встрѣтиться съ 1-й западной арміей Наполеону не удалось, но занявъ Вильну и выславъ во всѣ стороны части войска, онъ успѣлъ помѣшать Багратіону соединиться съ арміей Барклая и съ этого момента поставилъ себѣ другую задачу: не давая соединиться арміямъ, онъ думалъ разбить ихъ по очереди, имѣя противъ каждой въ отдѣльности превосходныя силы.

— Теперь до окончанія войны Багратіонъ уже не увидится съ Барклаемъ,—говорилъ онъ хвастливо.

И опять, то что казалось ему блестящимъ планомъ, неумолимо привело его къ гибели. Вступая въ Россію, онъ совсѣмъ упустилъ изъ вида ея необъятныя пространства.

Посланные во главѣ войскъ маршалы стремились исполнять начертанный Наполеономъ планъ. Самъ же Наполеонъ занялся дѣлами внутренняго устройства арміи. Дѣла было много.

Возстановивъ польское королевство и обнародовавъ актъ генеральной конфедераціи, онъ и въ Вильнѣ учредилъ временное правительство великаго княжества литовскаго.

Въ Вильну къ нему пріѣхала изъ Варшавы депутація съ благодарственной рѣчью, которую онъ самъ составилъ, а затѣмъ шли непрерывные праздники, какъ въ Дрезденѣ, и онъ упивался снова своимъ могуществомъ. Но требовалось и не мало работы. Надо было озаботиться доставкою провіанта. Огромные запасы, собранные въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ, Тріестѣ онъ приказалъ доставить въ Ковно, Вильну, Минскъ, Могилевъ. Уже сразу, едва онъ переступилъ Нѣманъ, его постигли непріятности. 12, 13 и 14-го чиселъ іюня разразились грозы съ ливнями, размыло всѣ дороги, и въ одну изъ ночей была такая буря, что въ его обозѣ пало 10,000 лошадей. Отъ этого сразу произошла задержка въ

доставленіи войскамъ провіанта, которыя все съѣли, что имѣли при себѣ. Несмѣтная армія наводнила окрестности Ковно и Вильны и сразу разорила страну. Съ самаго начала войны въ войскахъ уже появилась масса отсталыхъ, которые разсѣялись по странѣ и предались грабежу и разбою. Наполеонъ уже 20-го іюня долженъ былъ издать приказъ о преслѣдованіи бродягъ и грабителей и для этой цѣли учредить особые отряды и особую комиссію въ Вильнѣ. 18-ть дней прожилъ Наполеонъ въ Вильно, и, наконецъ, выѣхалъ изъ нея 4-го іюля, оставивъ въ Вильно всѣхъ иностранныхъ пословъ и министра Маре, который долженъ былъ служить звеномъ, связывающимъ Наполеона съ Европой.

А за это время успѣло уже произойти много событій.

До 20-го іюня войска первой арміи стояли въ Свѣнцянахъ, поджидая Багратіона, при чемъ вначалѣ Александръ хотѣлъ дать здѣсь первое сраженіе.

Но громадное превосходство силъ Наполеона, его положеніе между двумя арміями, измѣнило планъ, и рѣшено было итти въ укрѣпленный лагерь подъ Дриссою. Къ Багратіону и Платову было отослано новое приказаніе итти черезъ Вилейку на соединеніе съ 1-й арміей, и войска 20-го числа вышли по направленію къ Дриссѣ. За ними медленно двинулись французы подъ начальствомъ Мюрата. 23-го числа было первое жаркое дѣло. Мюратъ захотѣлъ помѣшать намъ переправиться черезъ Дисну, но мы, отбивъ нападенія, перешли рѣку и сожгли за собою мосты. Самъ Наполеонъ приказалъ Мюрату не особенно напирать на отходящую армію и 27-го іюня, въ день полтавской битвы, 1-я западная армія съ Государемъ во главѣ вошла въ лагерь и расположилась въ немъ. Здѣсь рѣшено было дождаться арміи Багратіона и дать сраженіе Наполеону. Но планы внезапно измѣнились. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ инженеровъ, полковникъ Мишо, осмотрѣвъ лагерь и его укрѣпленія, рѣшился доложить Государю, что въ случаѣ битвы лагерь этотъ можетъ обратиться въ западню для всей арміи. Государь выслушалъ его, пригласилъ принца Ольденбургскаго, Барклая, Аракчеева и, когда всѣ согласились съ мнѣніемъ Мишо, положилъ Дрисскія укрѣпленія оставить и, гляда по движеніямъ Наполеона, искать другого мѣста для боя и соединенія съ арміей Багратіона

Подъ Островной 14-го іюля 1812 г. По рис. Адама.

Армія отдыхала, а Государь задумался о дальнѣйшемъ планѣ войны. Несмѣтныя силы Наполеона, его военный геній невольно наводили на тревожныя мысли. Государь понималъ, что Наполеонъ можетъ занять и Москву, и Петербургъ, и внести войну еще глубже во внутрь страны. Въ этихъ размышленіяхъ онъ рѣшилъ поднять противъ общаго врага всѣ народныя силы и для этого велѣлъ изготовить манифестъ о призывѣ всѣхъ сыновъ Россіи на защиту Отечества.

Въ то же время Онъ послалъ Салтыкову подробное наставленіе, что надо вывести изъ Петербурга на случай вторженія въ него непріятеля. Это опасеніе имѣло основанія: Наполеонъ думалъ двигаться сразу на обѣ столицы.

Узнавъ, что 1-я армія уже въ Дрисскомъ лагерѣ, поставивъ планомъ не дать арміямъ соединиться, Наполеонъ тотчасъ рѣшилъ главныя свои силы направить между рѣками Двиной и Днѣпромъ и на первый разъ двинулъ свою армію на мѣстечко Глубокое, куда тронулись вся старая гвардія, маршалъ Сенъ-Сиръ, вице-король и за ними слѣдомъ готовился ѣхать и самъ Наполеонъ.

Государь узналъ объ этомъ и, ясно понимая, что Наполеономъ взята дорога на Москву, рѣшилъ остановить его у Витебска или Невеля и приказалъ тотчасъ выступать изъ лагеря. 4-го іюля 1-я армія выступила изъ Дриссы, переправилась черезъ Двину и двинулась по дорогѣ къ Полоцку. Только одинъ корпусъ Витгенштейна былъ оставленъ на берегу Двины для наблюденія за непріятелемъ.

Наполеонъ того же числа выѣхалъ изъ Вильны въ Глубокое. Узнавъ о выступленіи нашей арміи изъ Дриссы къ Полоцку, онъ двинулъ свою изъ Глубокаго въ Бешенковичи.

6-го іюля Государь подписалъ свои Манифесты для Москвы и съ воззваніемъ ко всѣмъ подданнымъ, объявляя народную войну.

Наша армія подходила къ Полоцку, когда Государь отъѣхалъ изъ нея черезъ Невель въ Смоленскъ и Москву, что бы своимъ присутствіемъ вызвать воодушевленіе народа.

Наполеонъ быстро подвигался на Бешенковичи, очевидно стремясь ранѣе русскихъ занять Витебскъ.

Барклай узналъ объ этомъ маршѣ и поспѣшилъ изъ Полоцка къ Витебску.

Сраженіе подъ Витебскомъ 15-го іюля 1812 г.

Здѣсь онъ надѣялся соединиться съ Багратіономъ, и войска шли, не зная отдыха, воодушевляемыя надеждою соединиться съ арміей Багратіона и начать уже наступленіе и бои.

Но бой начался раньше. 13-го іюля непріятели сошлись съ русскими у Островны и завязался бой.

Силы были неравныя. Барклай приказалъ держаться, въ то же время избирая позицію подъ Витебскомъ и ожидая прибытія Багратіона черезъ Оршу. Сперва Остерманъ, потомъ Коновницынъ удерживали натиски враговъ, которые все прибывали и прибывали изъ Бешенковичей.

Генералы и войско оказывали чудеса храбрости, Наполеонъ пустилъ въ дѣло почти всѣ свои силы и заставилъ отступить нашихъ. Коновницынъ передвинулся къ Кукувачину и выдержалъ бой 14-го числа, послѣ чего отступилъ къ Витебску. 15-го числа Наполеонъ онъ уже двинулся на Витебскъ, радостно думая о сраженіи, въ которомъ онъ разобьетъ 1-ю армію.

Барклай укрѣплялся на позиціи, но вдругъ получилъ донесеніе отъ Багратіона, что 2-я армія не въ силахъ пробиться на соединеніе. При такихъ условіяхъ сраженіе было немыслимо. Барклай снялся съ позиціи и двинулъ свою армію къ Смоленску, поручивъ защищать Витебскъ графу Палену до послѣдняго. Графъ Паленъ принялъ бой 15-го числа и до самаго вечера удерживалъ непріятеля, послѣ чего ночью оставилъ Витебскъ.

Трехдневный бой нѣсколько оживилъ духъ солдатъ, но они все же остались недовольны отступленіемъ.

Поутру 16-го числа Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить, что русскіе оставили позиціи, такъ онъ жаждалъ боя.

Онъ лично поскакалъ на позиціи и увидѣлъ опустѣвшіе бивуаки. Ничего не было забыто, ничто не говорило о торопливомъ отступленіи. Подъ кустами нашли спящаго солдата и стали его распрашивать, куда ушла армія. Солдатъ ничего не могъ объяснить.

Наполеонъ разослалъ отряды искать русскую армію на Петербургской или Смоленской дорогахъ. Срокъ былъ уже упущенъ. Помѣшать нашему отступленію онъ не могъ и расположился въ Витебскѣ, гдѣ и пробылъ до 1-го августа, пославъ главныя силы на Петербургскую дорогу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Соединеніе армій.

Въ то время, какъ 1-ая армія послѣ переходовъ изъ Вильны въ Дриссу и изъ Дриссы на Витебскъ, послѣ 3-хъ-дневнаго боя, приближалась къ Смоленску, 2-й арміи Багратіона и казачьему войску Платова приходилось итти извилистымъ и труднымъ путемъ на соединеніе съ главной арміей.

Вначалѣ по плану Платовъ долженъ былъ „ударить во флангъ и тылъ непріятеля, а Багратіонъ поддерживать его", но при вступленіи Наполеона въ Россію планъ измѣнился и Багратіонъ получилъ приказаніе соединиться съ 1-й арміей, а Платовъ прикрывать его движеніе.

Графъ М. И. Платовъ.

Немедля часа Багратіонъ двинулся на Слонимъ, оттуда въ Новогрудокъ и перешелъ черезъ Нѣманъ въ Николаевъ, когда Платовъ ему донесъ, что маршалъ Даву видимо стремится занять Минскъ, что бы преградить ему путь. Тогда Багратіонъ, что бы опередить Даву, снова перешелъ Нѣманъ обратно и бросился къ Минску, стремясь обогнать французовъ, и приказавъ Платову удержать Даву. Но Платовъ не могъ этого выполнить; онъ успѣлъ только 27-го іюня разбить отрядъ польской кавалеріи, 28 и 29 одержать легкія побѣды надъ авангардомъ вестфальскаго короля, но когда двинулась вся сила французовъ, онъ принужденъ былъ отступить. Въ это время Багратіонъ успѣлъ дойти уже до Несвижа, гдѣ далъ отдохнуть измученнымъ переходами войскамъ три

дня, а Даву успѣлъ занять Минскъ съ превосходными силами и преградить дорогу Багратіону.

Тогда Багратіонъ, дѣлая страшный обходъ, двинулся на Бобруйскъ.

6-го іюля армія прибыла въ Бобруйскъ, гдѣ перешла Березину, а 7-го и 8-го чиселъ двинулась къ Могилеву, но въ Могилевѣ уже опять находился Даву.

Багратіонъ видѣлъ, что находясь въ Могилевѣ, непріятель преграждаетъ ему путь къ Смоленску и рѣшился пробиться черезъ Могилевъ.

Наши войска встрѣтились съ непріятелемъ у Салтановки. Багратіонъ приказалъ Раевскому аттаковать непріятеля. Раевскій выслалъ впередъ генерала Паскевича и начался бой. Наши войска показали чудеса храбрости. Генералы сошли съ коней и шли впереди полковъ, ведя ихъ въ бой. Одинъ изъ сыновей Раевскаго попросилъ у молодого подпрапорщика знамя: „Дайте мнѣ понести его!„ „Я самъ умѣю умирать!“ отвѣтилъ юноша. Въ этомъ бою съ нашей стороны легло убитыми 2.000 чел., но численность непріятеля была настолько велика, что мы не могли пробится, и Багратіонъ принужденъ былъ снова измѣнить свой путь и обратиться на Мстиславль, откуда итти на Смоленскъ, стремяся тамъ соединиться съ 1-ой арміей. Съ разсвѣтомъ 13-го числа армія пришла вь Старый-Быховъ, 14-го іюля перешла черезъ Днѣпръ въ Нов. Быховѣ, а 17-го пришла въ Мстиславль.

Даву не успѣлъ получить точныхъ свѣдѣній, куда направилась 2-я армія и упустилъ ее изъ вида, потерявъ возможность преградить ей путь къ Смоленску.

Путь былъ свободенъ. Въ то же время Барклай съ 1-ой арміей приближался къ Смоленску, который 17-го числа уже занялъ генералъ Дохтуровъ. Наполеонъ не могъ помѣшать этому движенію.

Барклай писалъ Багратіону: „Именемъ отечества убѣдительно прошу васъ поспѣшить прямѣйшимъ направленіемъ къ Смоленску“.

Багратіонъ не шелъ, а почти мчался. Платовъ съ казаками уже отдѣлился отъ его арміи и соединился съ 1-ой.

20-го Іюля 1-я армія вошла въ Смоленскъ, а 21-го Багратіонъ, опередивъ свою армію пріѣхалъ къ Барклаю на свиданіе.

Барклай встрѣтилъ его въ полной формѣ, и они дружески обнялись.

За время ихъ разъединенія оба главнокомандующіе были недовольны другъ другомъ: Барклай, не зная положенія Багратіона, винилъ его за то, что онъ не спѣшитъ на соединеніе съ 1-ой арміей; Багратіонъ, въ свою очередь, винилъ Барклая за то, что онъ не нападаетъ на французовъ и, такимъ образомъ, не отвлекаетъ ихъ силъ съ дороги Багратіона.

Теперь, при личномъ свиданіи, всѣ недоразумѣнія выяснились, и они согласились дѣйствовать единодушно.

Возникалъ вопросъ, кому командовать обѣими арміями. Багратіонъ былъ старше чинами и имѣлъ большую боевую опытность. Самъ Суворовъ отличалъ его. Барклай де-Толли былъ военнымъ министромъ, Государь особенно довѣрялъ ему, и онъ былъ лучше освѣдомленъ о всемъ планѣ войны.

Барклай-де-Толли.

Ради пользы дѣла Багратіонъ пожертвовалъ самолюбіемъ и уступилъ первое мѣсто Барклаю.

Государь остался очень доволенъ дружескимъ согласіемъ полководцевъ.

22-го Іюля 2-я армія прибыла къ Смоленску и соединилась съ первой.

Наполеонъ съ досадою узналъ объ этомъ соединеніи, которое являлось для насъ торжествомъ.

Онъ рѣшилъ дать отдыхъ своей арміи и остановился въ Витебскѣ, гдѣ провелъ 2 недѣли, собирая отставшихъ и заботясь о продовольствіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ополченіе Россіи.

Едва стала несомнѣнной война Наполеона съ Россіей, всѣ русскія сердца зажглись непріязнею къ французамъ, а когда французы вошли въ предѣлы Россіи, непріязнь быстро обратилась въ гнѣвъ и вражду. Все французское стало ненавистно. Въ Петербургѣ тотчасъ прекратились французскіе спектакли, въ знатныхъ домахъ никто уже не рѣшался говорить по французски, гувернеры французы, француженки модистки тотчасъ лишились своего заработка. Это чувство ненависти росло и крѣпло, но оно еще было скрыто и ожидало только толчка, знака, чтобы вырваться съ неудержимою силою наружу.

И знакъ этотъ былъ поданъ, едва до народа дошли манифесты Государя.

Въ манифестѣ къ Москвѣ Государь указалъ, что обращается къ ней къ первой, какъ къ древней столицѣ.

„...имѣя въ намѣреньи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся мы къ древней столицѣ предковъ нашихъ, къ Москвѣ. Она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ, она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, престола, царства, того требуютъ“...

Въ манифестѣ къ народу обращеніе Государя еще болѣе трогательны.

Изложивъ причины, побуждающіе его призвать народныя ополченія, Государь пишетъ:

...„Мы уже воззвали къ первопрестольному граду нашему, Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и

покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагу вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское сословье! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. Святѣйшій сvнодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи..."

И это воззваніе оканчивалось словами:

„...Соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ!"...

Вся Россія должна была ополчиться по слову Царя! Словно забушевало море, словно брошенная искра взорвала несмѣтные пороховые склады. Нельзя описать, что происходило въ Россіи и въ Москвѣ при чтеніи царскихъ воззваній.

Въ эти дни подъема народнаго духа Государю надлежало быть не въ арміи, а среди народа и Онъ, уѣхавъ изъ арміи уже 9-го іюля въ 11 ч. утра былъ въ Смоленскѣ.

На долю смолянъ выпало счастье быть первыми выразителями русскаго народнаго чувства. Весь городъ высыпалъ на встрѣчу Государю, раздавались крики: „веди насъ на врага!" „умремъ до послѣдняго!" „бери все имущество и жизни наши!" у Государя лились изъ глазъ благодарныя слезы.

Одушевленіе охватило весь Смоленскъ и волнами разошлось по Россіи. Смоленскіе дворяне тотчасъ предложили отъ себя вооружить и собрать 20-ть тысячъ ополченцевъ.

Государь почувствовалъ въ эти минуты, какъ прочно его единеніе съ народомъ и уже зналъ, что гордыня Наполеона будетъ сокрушена.

Въ эти дни Александръ былъ обрадованъ ко всему полученіемъ извѣстія, что миръ съ Турціей заключенъ и скрѣпленъ.

Дунайская армія освободилась и выступила въ Россію. Кутузовъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Изъ Смоленска Государь выѣхалъ въ Москву.

11-го іюля Онъ прибылъ на послѣднюю почтовую станцію передъ Москвой, гдѣ его ждалъ генералъ-губернаторъ графъ Растопчинъ. Народъ съ утра еще узналъ о приближеніи Государя

и валомъ валилъ за Драгомиловскую заставу. Внутри города священники въ облаченіяхъ съ крестами въ рукахъ стояли у своихъ приходовъ; въ Успенскомъ соборѣ собрались духовенство и знать. Подмосковные жители собрались на Поклонной горѣ, когда вдругъ узнали, что москвичи хотятъ выпрячь лошадей изъ коляски и везти Государя до Кремля. Тогда они съ крикомъ „ура!“ бросились впередъ, чтобы предупредить москвичей, но скоро дошла вѣсть что Государь будетъ ночевать въ Перхушковѣ.

Всѣ вернулись по домамъ, и только крестьяне села Фили остались на Поклонной горѣ со своимъ священникомъ, державшимъ на серебрянномъ блюдѣ крестъ.

Въ 12 часовъ ночи показался ѣдущій Государь. Увидѣвъ толпу, Онъ вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и набожно приложился къ кресту, послѣ чего продолжалъ путь и неслышно, ночью, въѣхалъ въ Москву.

12-го іюля еще до разсвѣта разнеслась вѣсть, что Государь уже въ Кремлѣ, и скоро вся кремлевская площадь и прилегающія улицы были запружены народомъ. Всѣ ждали мгновенья, когда Государь покажется на Красномъ крыльцѣ.

Онъ вышелъ въ 10 часовъ утра. Крики „ура“ заглушили звонъ колоколовъ; стѣны тряслись отъ этого крика. Въ этотъ незабвенный мигъ свершилось единеніе Царя съ народомъ. Изъ глазъ Государя струились слезы, и Онъ не скрывалъ ихъ. Народъ протягивалъ къ Нему руки, падалъ на колѣна, слышались рыданья, и среди криковъ „ура“ со всѣхъ сторонъ неслись возгласы: „Веди насъ, отецъ нашъ! умремъ или истребимъ злодѣя“!—и это былъ крикъ всей Россіи.

Государь молился въ Успенскомъ соборѣ, а вечеромъ передъ Иверской Божьей Матерью.

15-го іюля въ 8 часовъ утра собралось московское дворянство и купечество въ Слободскомъ дворцѣ. Графъ Растопчинъ прочитавъ манифестъ, сказалъ дворянамъ, указывая на залъ, гдѣ собралось купечество: „—Оттуда польются милліоны, а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя!“

Дворянство тотчасъ же опредѣлило собрать 80,000 человѣкъ, вооружить ихъ и снабдить одеждою и провіантомъ.

Слѣдомъ за этимъ манифестъ былъ прочитанъ въ залѣ, гдѣ

собралось купечество, и оно мгновенно опредѣлило сдѣлать денежный сборъ по доходамъ каждаго, а сверхъ того открыло подписку на пожертвованія и, не выходя изъ залы, собрало полтора милліона рублей.

Государь пріѣхалъ и вошелъ къ дворянамъ. Узнавъ объ ихъ рѣшеніи, онъ сказалъ: „Иного я не ожидалъ и не могъ ожидать отъ васъ: вы оправдали мое о васъ мнѣніе“.

Потомъ перешелъ въ залу къ купечеству и былъ до слезъ тронутъ горячими чувствами москвичей.

Онъ благодарилъ купечество, а ему въ отвѣтъ кричали: „бери все и жизни наши“!

Вся Россія поднялась, какъ одинъ человѣкъ. Всюду, гдѣ былъ прочитанъ манифестъ, всѣ вспыхивали, какъ порохъ, и каждый стремился стать въ ряды воиновъ отъ старика до младенца. Учителя, семинаристы, лавочники, дворяне торопились записываться въ ополченцы. Женщины щипали корпію, готовили бинты; невѣсты и молодыя гнали своихъ жениховъ и мужей на войну; матери благословляли своихъ дѣтей; дѣвушки съ завистью глядѣли на мужчинъ.

Всякій стремился жертвовать всѣмъ, чѣмъ можетъ. Въ Москвѣ, помимо 80,000 человѣкъ, графы Димитріевъ-Мамоновъ и Салтыковъ сформировали по конному полку, Демидовъ и князь Гагаринъ — пѣшіе полки. Въ Твери выступили 12,636 пѣшихъ воиновъ и 665 конныхъ съ вооруженіемъ и довольствомъ. Въ Ярославлѣ собрали ополченіе въ 11,112 человѣкъ. Во Владимірѣ — 15,086. Не было мѣста въ Россіи, гдѣ бы ни составлялись ополченія, ни собирались пожертвованія. Въ Петербургѣ сформировали 12,985 человѣкъ и, кромѣ нихъ, два конныхъ полка, выбравъ начальникомъ ополченія любимаго всѣми Кутузова. Въ ополченіи участвовали татары, башкиры, далекіе сибиряки; пожертвованія текли отовсюду.

Евреи оказали примѣрное усердіе. Одинъ раввинъ изъ Полтавы послалъ посланіе въ Бѣлоруссію. Онъ предписывалъ евреямъ остаться вѣрными россійскому монарху, оказывать услуги нашимъ военнымъ начальникамъ, увѣдомляя ихъ о числѣ, расположеніяхъ и движеніи непріятеля, наложилъ постъ и приказалъ молиться за успѣхъ русскаго оружія.

Государь зналъ свой народъ, но такого подъема народнаго духа онъ не ожидалъ.

Собираемыя ополченія были несмѣтны, и черезъ 5 дней послѣ прибытія въ Москву онъ уже счелъ нужнымъ умѣрить общій пылъ и положилъ выставить ополченія только 17-ти губерніямъ.

Умиленный и растроганный, могучій въ сознаніи единства своего съ народомъ, Государь 18-го оставилъ Москву, пробылъ полтора дня въ Твери и ко дню именинъ Маріи Феодоровны, 22-го іюля, прибылъ въ Петербургъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отъ Смоленска до Бородина.

Хотя чисто военныя соображенія мѣшали до сихъ поръ Барклаю де Толли вступить въ сраженіе съ непріятелемъ, ни общество, ни войско не могло примириться съ этимъ.

Отъ Петра Великаго до Суворова русскія войска наступали и одерживали побѣды, и всѣмъ казалось, что постоянныя отступленія, уклоненія отъ боевъ позорятъ русское оружіе, и что это происходитъ отъ того, что арміей командуетъ нѣмецъ.

„Болтай да и только“, говорили недовольно солдаты, передѣлавъ мудреную фамилію своего генерала.

На Багратіона смотрѣли иначе. Всѣ теперь рѣшили, что онъ какъ левъ пробивался черезъ непріятельскіе ряды, стремясь къ соединенію, что переходы имъ сдѣланные почти невѣроятны по размѣрамъ и скорости. Всѣ знали, что какъ Барклай опасается рѣшительнаго боя, такъ Багратіонъ стремился къ нему.

Общество и армія глядѣли на него съ любовью и надеждою. Его фамилію передѣлали и говорили „Богъ рати онъ!“

Когда соединились обѣ арміи, общій духъ сразу пробудился. Во второй арміи всегда гремѣла музыка, солдаты говорили про битвы и готовились къ новой. Первая армія воодушевлялась разсказами второй, и всѣ рвались къ бою.

Самый Смоленскъ, много разъ видавшій бои, считался для всѣхъ священнымъ городомъ, отдача котораго непріятелю счита-

лась немыслимой уже потому, что онъ прикрывалъ собою дорогу въ Москву.

Барклай въ совѣщаніи съ Багратіономъ рѣшилъ дать сраженіе Наполеону и, когда губернаторъ Ашъ выразилъ опасенія за городъ, онъ тотчасъ успокоилъ его, заявивъ, что Смоленскъ не будетъ отданъ непріятелю.

Въ это же время пришло извѣстіе о блестящей побѣдѣ Витгенштейна надъ корпусами Удино и Сенъ-Сира, что еще болѣе ободрило духъ арміи и пробудило надежды общества.

Побѣда Витгенштейна имѣла дѣйствительно огромное значеніе.

Въ битвѣ при Клястицѣ 19-го іюля онъ отбросилъ Удино отъ Псковской дороги. Не соверши онъ этого, Псковъ былъ бы занятъ французами и для нихъ открылась бы дорога на Петербургъ. 25-го іюля столица была извѣщена объ этой побѣдѣ пушечной пальбой. Государь наградилъ Витгенштейна пожизненной пенсіей въ 12,000 рублей и Георгіемъ 2-й степени. Его имя, какъ героя, переходило изъ устъ въ уста, и онъ получилъ названіе „Защитника Петрова града".

Князь Витгенштейнъ.

Вѣсть объ его побѣдѣ пришла въ Смоленскъ въ концѣ іюля и воспламенила войска.

Всѣ знали, что вся Россія съ трепетнымъ вниманіемъ смотритъ на Смоленскъ и его защитниковъ.

Арміи соединились 22-го іюля, а 26-го уже выступили изъ Смоленска, чтобы итти навстрѣчу непріятеля, котораго Барклай ожидалъ изъ Витебска на Рудню. Для наблюденія за Оршанской дорогой онъ командировалъ Невѣровскаго въ Красный.

Войска вышли. Жители Смоленска наполнили храмы, чтобы молиться за своихъ защитниковъ.

Вдругъ по дорогѣ Барклай получилъ извѣстіе, что непріятель показался на Порѣчской дорогѣ. Это наполнило его опасеніемъ, что Наполеонъ, обойдя его по Порѣчской дорогѣ, можетъ занять Смоленскъ, и онъ тотчасъ остановился, приказавъ остановиться и 2-й арміи, которая находилась еще у Смоленска. 29-го, 30-го и 31-го іюля арміи простояли: одна, перейдя изъ Рудни, на Порѣчской дорогѣ, другая у Смоленска. Между Багратіономъ и Барклаемъ начались споры. Барклай, вопреки увѣщанія Багратіона, двинулся опять на Рудню, а 2-й арміи приказалъ итти къ Надвѣ. Это было 1-го августа, и того же числа выступилъ Наполеонъ изъ Витебска, двинувъ войска, какъ раньше предсказывалъ Багратіонъ, по Оршанской дорогѣ черезъ Ляды и Красный, т. е. совсѣмъ съ другой стороны, нежели ожидалъ Барклай.

Маршалъ Сенъ-Сиръ.

Наполеонъ пробылъ въ Витебскѣ двѣ недѣли, погруженный въ глубокое раздумье, колеблемый тысячью сомнѣній. Не такимъ представлялся ему походъ въ Россію! Онъ думалъ до Москвы дойти побѣднымъ маршемъ, двумя боями разбивъ обѣ арміи, а между тѣмъ онъ уже шелъ 1½ мѣсяца, почти не видя русскаго войска, не имѣя ни одного серьезнаго боя.

Не было ни одного сраженія, а между тѣмъ отъ невозможной погоды (то проливные дожди, то нестерпимый зной), отъ усиленныхъ переходовъ, отъ недостатка въ довольствѣ его „великая армія“ уже убавилась почти на одну треть; въ тылу арміи появились отсталые и обратились въ шайки разбойниковъ. Онъ шелъ все глубже въ Россію въ то время, какъ всѣ русскія силы оста-

вались почти еще нетронуты. Здѣсь же, въ Витебскѣ, онъ получилъ извѣстіе о заключеніи Россіи съ Турціей мира, что значило, что новая сорокатысячная боевая армія двинулась ему въ тылъ. И въ заключеніе — манифесты Александра къ Москвѣ и къ народу! Эти манифесты онъ заставилъ читать себѣ нѣсколько разъ и задумывался все глубже. Уже смутно въ его душѣ пробуждались опасенія. Онъ созвалъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, что дѣлать: итти ли далѣе или остановиться?

Маршалы почти въ одинъ голосъ совѣтывали укрѣпиться лагеремъ и перезимовать между Днѣпромъ и Двиною. Были совѣты вернуться въ Вильну. Наполеонъ возмутился.

„Въ іюлѣ мѣсяцѣ смѣшно думать о зимнихъ квартирахъ! не для этого онъ шелъ въ Россію! впередъ! Императоръ Александръ не согласится говорить о мирѣ, не испытавъ пораженія въ боѣ! останавливаться на долгую зиму, когда все можетъ рѣшиться въ 20 дней! впередъ! разгромимъ русскихъ и черезъ мѣсяцъ будемъ въ Москвѣ. Весь планъ моего похода — въ сраженіи; вся моя политика — въ успѣхѣ“!

И онъ двинулся всѣми силами къ Смоленску, перейдя черезъ Днѣпръ у Росасна и Хомина. Впереди его шелъ Мюратъ съ Груши, Монбреномъ и Нансути; за ними двигались Ней, Даву, вице-король и гвардія; а съ правой стороны изъ Могилева черезъ Романово шли Понятовскій, Жюно и Лотуръ-Мобуръ. Войско слишкомъ въ 200,000 подвигалось къ Смоленску на Красный, гдѣ стоялъ одинъ Невѣровскій со своей дивизіей, а въ это время Багратіонъ, по приказанію Барклая, уже оставилъ Смоленскъ и былъ у Надвы, а Барклай стоялъ у Волковой и Гавриковъ.

По счастью Багратіонъ оставилъ въ Смоленскѣ корпусъ героя Раевскаго, приказавъ ему выступить днемъ позднѣе, а Невѣровскій съ одною дивизіей стоялъ въ Красномъ, наблюдая Оршанскую дорогу.

2-го августа казаки донесли Невѣровскому, что „французы „валомъ валятъ“. Невѣровскій едва успѣлъ собрать свою дивизію, какъ показался Мюратъ съ 15,000 кавалеріи. Невѣровскій отослалъ назадъ за 12 верстъ отъ Смоленска егерскій полкъ съ двумя пушками, чтобы охранять переправу черезъ маленькую рѣчку, а самъ поспѣшно выступилъ изъ Краснаго, такъ какъ

боялся въ немъ быть окруженнымъ. Мюратъ разсѣялъ Харьковскій драгунскій полкъ и захватилъ 5 пушекъ. Невѣровскій остался съ одною пѣхотою. Пѣхота шла аттаковать насъ съ фронта, кавалерія неслась на наши фланги. Невѣровскій собралъ свои батальоны въ карэ и сказалъ имъ: „Ребята! помните, чему васъ учили; поступайте такъ и никакая кавалерія васъ не сломитъ: не торопитесь въ пальбѣ, стрѣляйте мѣтко, не суетясь, и никто не смѣй начинать безъ моей команды“!

Непріятельская кавалерія мчалась на скученныхъ солдатъ, какъ ураганъ, но солдаты стояли недвижно. Вдругъ раздался возгласъ „тревога“! забилъ барабанъ. Непріятель былъ уже шагахъ въ ста. „Пли“! Сразу по всей линіи сверкнулъ огонь, раздался убійственный залпъ, и землю покрыли трупы коней и всадниковъ. Сметенная конница разсыпалась и также быстро унеслась назадъ.

Генералъ Невѣровскій.

— Видите, ребята, — въ восторгѣ сказалъ Невѣровскій,—какъ легко побѣждать кавалерію! благодарю и поздравляю!

— Ура! рады стараться! — грянуло въ отвѣтъ.

Невѣровскій началъ отступать. Мюратъ удвоилъ кавалерійскія аттаки, но наши солдаты стойко отбивали ихъ одну за другой. Такъ мы дошли до рѣчки. Здѣсь раздались выстрѣлы нашихъ двухъ пушекъ и Мюратъ вообразилъ, что наткнулся на сильное подкрѣпленіе. Онъ прекратилъ аттаки, а Невѣровскій перешелъ рѣчку и далъ передохнуть солдатамъ.

Это было геройское отступленіе, равное побѣдѣ. Наполеонъ, узнавъ про это дѣло, пришелъ въ ярость. Раздавивъ крошечный отрядъ русскихъ героевъ, Мюратъ могъ легко занять Слоленскъ.

Громъ орудій при нападеніи на Красный былъ слышенъ на

Смоленскъ 6-го августа 1812 г.

правомъ берегу Днѣпра, по которому двигалась 2-я армія. Въ это время Раевскій тоже оставилъ Смоленскъ и былъ отъ него въ 12 верстахъ, когда получилъ приказъ вернуться и итти черезъ Смоленскъ на Красный въ помощь Невѣровскому. Раевскій тотчасъ послалъ впереди себя Паскевича съ 8 батальонами. Паскевичъ, проходя Смоленскъ на разсвѣтѣ 3-го августа, внимательно осмотрѣлъ его стѣны и окрестности. Въ 6 верстахъ онъ встрѣтилъ Невѣровскаго и приказалъ ему присоединиться къ корпусу, въ которомъ онъ командовалъ авангардомъ, а самъ остановился. Раевскій прошелъ черезъ Смоленскъ и сталъ въ трехъ верстахъ позади Паскевича. Къ нему присоединился и Невѣровскій.

3-е августа прошло спокойно.

Барклай удивлялся, что не видитъ непріятеля, но скоро удивленіе его смѣнилось страхомъ. Онъ узналъ, что оставилъ Смоленскъ во власть непріятеля и поспѣшно повернулъ назадъ, приказавъ сдѣлать то же и Багратіону. Но обѣ арміи были далеко отъ Смоленска: 1-ая за 40 верстъ, 2-я за 30.

Паскевичъ съѣхался съ Раевскимъ и они стали обсуждать свое положеніе. Ихъ войско передъ огромной арміей Наполеона было ничтожно, и они должны были погибнуть въ открытомъ мѣстѣ, гдѣ стояли. Единственная возможность защищаться была за толстыми стѣнами Смоленска. Они ночью осмотрѣли стѣны Смоленска и тотчасъ перевели свое войско въ городъ. Было самое время. Наполеонъ ночь съ 3-го на 4-е провелъ въ 7-ми верстахъ отъ Смоленска, а на утро двинулъ на него всю свою армію. Въ это время Раевскій получилъ отъ Багратіона записку: „Другъ мой, я не иду, а бѣгу! желалъ бы имѣть крылья, чтобы скорѣе соединиться съ тобою. Держись, Богъ тебѣ помощникъ". Наполеонъ бросился на приступъ, но всѣ аттаки его были отбиты. Вокругъ стѣнъ Смоленскихъ грудами легли убитые и раненые. Тогда Наполеонъ устроилъ батареи и сталъ растрѣливать городъ. Багратіонъ мчался на помощь. Уже къ полудню 2-я армія показалась на берегу Днѣпра. Наполеонъ теперь не сомнѣвался въ сраженіи и радостно говорилъ: „Наконецъ-то русскіе въ моихъ рукахъ"!

Наполеонъ громилъ городъ и дѣлалъ аттаки, но всѣ аттаки его отбивались съ громаднымъ урономъ для него. Наступилъ ве-

черъ, бой прекратился. Въ Смоленскъ пріѣхали всѣ генералы. Багратіонъ, Барклай, и всѣ благодарили Невѣровскаго, Раевскаго и Паскевича. Не удержи они въ этотъ день городъ въ своихъ рукахъ, и Наполеонъ шелъ-бы въ Москву, отрѣзавъ отъ дороги обѣ арміи.

Наполеонъ впослѣдствіи говорилъ, что возьми онъ Смоленскъ 4-го августа, вся война рѣшилась бы иначе.

Всю ночь Наполеонъ сдвигалъ войска къ Смоленску и на утро 5-го августа окружилъ его кольцомъ. Въ то же время Барклай, опасаясь, что Наполеонъ займетъ Московскую дорогу, рѣшилъ пожертвовать Смоленскомъ и, приказавъ Багратіону итти немедля для занятія Дорогобуша, самъ остался въ виду Смоленска, а Смоленскъ поручилъ защищать до послѣдняго момента Коновницыну и Дохтурову.

Князь Багратіонъ.

5-го первая армія заняла правый берегъ Днѣпра, а 2-я уже отошла по Московской дорогѣ на 12 верстъ.

Наполеонъ ждалъ, что наши войска выйдутъ изъ города для сраженія съ нимъ, но получилъ донесеніе, что русскіе отступаютъ по Московской дорогѣ. Онъ хотѣлъ броситься за ними, но не нашелъ переправы, и тогда рѣшилъ—ради переправы — овладѣть Смоленскомъ. Онъ съ яростью напалъ на него со всѣхъ сторонъ. Наши отбивали аттаки во всѣхъ мѣстахъ. Наполеонъ приходилъ въ бѣшенство; онъ придвинулъ всѣ пушки и началъ громить городъ изъ 400 орудій. Церкви, дома—все, что могло горѣть, вспыхнуло и запылало. Ядра прыгали по улицамъ. Городъ обратился въ адъ. Громъ пушекъ, бой барабановъ, трескъ лопающихся бомбъ, унылый звонъ колоколовъ, ревъ пожаровъ, стоны и крики все сли-

Смоленскъ 8-го августа 1812 г.

лось въ одинъ гулъ. Жители метались, какъ безумные, храмы наполнились молящимися. Это былъ канунъ Преображенія. Въ сумерки вынесли нашу святыню, Смоленскую Матерь Божью, и понесли изъ города. Была тихая, ясная погода, и пламя пожара поднималось недвижнымъ столбомъ къ небу. Жители покинули пылающій городъ вслѣдъ за иконой, а тамъ двинулись и наши войска, оставляя развалины Смоленска.

На утро 6-го Августа Наполеонъ въѣхалъ въ разоренный городъ, а наши войска уже отступали по Московской дорогѣ къ Цареву-Займищу.

Князь Кутузовъ-Смоленскій.

Наполеонъ въ священномъ ужасѣ осматривалъ дымящіяся развалины города и повторялъ: „какой прекрасный городъ!“

Войска его бросились на грабежъ въ окрестностяхъ Смоленска и всюду находили одни пепелища. Жители разбѣгались и жгли свои дома и имущества.

Теперь французскія войска вступили уже въ предѣлы коренной Руси, и ихъ ждало вездѣ то же: опустѣвшія мѣста, сожженныя жилища и ничего съѣстного ни для людей, ни для лошадей.

Смущенный и растерянный Наполеонъ выѣхалъ изъ Смоленска только 11-го Августа.

Потеря Смоленска, превращеніе богатой губерніи въ пустыню, переполнило чашу терпѣнія русскаго народа, и не было человѣка не проклинающаго имени Наполеона. Ненависть къ французамъ начала жечь сердца нестерпимой болью, и уже отряды крестьянъ ловили отставшихъ солдатъ и жестоко расправлялись съ ними.

Общество и арміи были потрясены и возмущены. Смоленскъ отданъ, армія опять отступаетъ! и вся непріязнь сосредоточилась

на Барклай-де-Толли. Говорятъ, что на его привѣтствіе солдаты отвѣчали гробовымъ молчаніемъ.

Подчиняясь общественному мнѣнью, Александръ счелъ необходимымъ назначить одного главнокомандующаго всѣхъ армій, и выборъ его палъ на стараго Кутузова.

Вся Россія встрѣтила это назначеніе восторгомъ. 8-ое Августа, день назначенія Кутузова главнокомандующимъ, праздновался въ Петербургѣ, какъ свѣтлый день.

Царь на другой день уѣхалъ въ Або для свиданія со шведскимъ принцемъ, а Кутузовъ 11-го выѣхалъ къ арміи. По всему пути его толпился народъ. Кутузовъ проѣхалъ въ Казанскій соборъ и выслушалъ молебенъ, стоя на колѣнахъ. Протоіерей окропилъ его святою водою и подалъ ему образъ Казанской Божьей Матери. Кутузовъ возложилъ на себя этотъ образъ и, выходя изъ церкви, сказалъ священникамъ:

— Молитесь за меня; меня посылаютъ на великое дѣло!

17-го августа онъ прибылъ къ Цареву-Займищу, гдѣ его ожидалъ почетный караулъ. Онъ поздоровался съ солдатами и вполголоса сказалъ: „съ такими молодцами и отступать?!“

Слова его тотчасъ пронеслись по арміи. Онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ объѣзжать армію. Его встрѣчали криками восторга. Въ ясномъ небѣ вдругъ появился орелъ и парилъ надъ Кутузовымъ. Солдаты ласково звали его дѣдушкой, и тотчасъ сложилась поговорка „пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ“. Ему было тогда 67 лѣтъ. Голова его была убѣлѣна сѣдинами. Онъ видѣлъ бои, былъ опытный военноначальникъ и, русскій душою, понималъ душу русскаго солдата.

Появленіе его во главѣ войска словно воскресило армію.

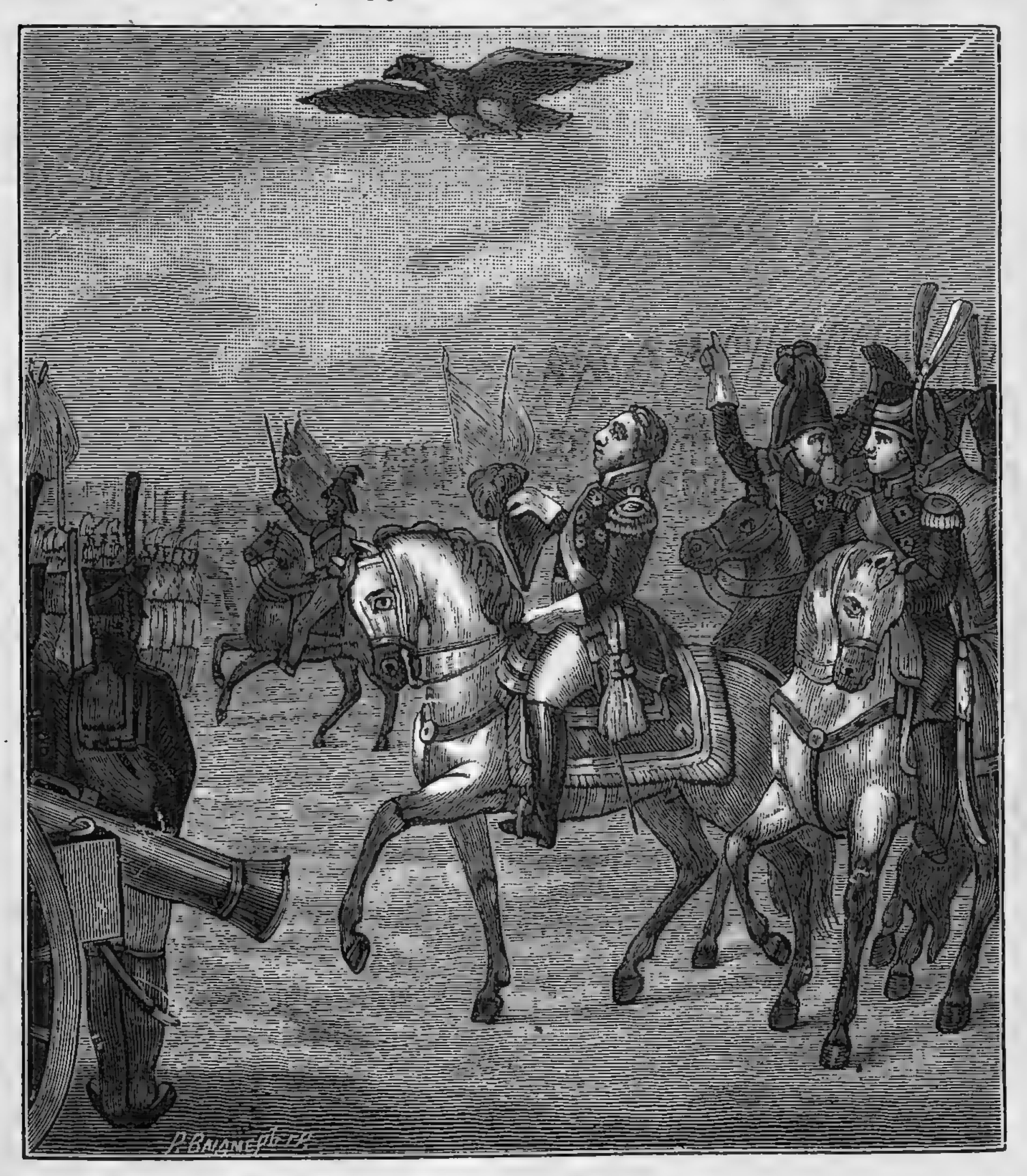
Въ глубинѣ души Кутузовъ сознавалъ, что отступленіе арміи безъ боя дало намъ громадныя преимущества, но онъ также понималъ, что бой необходимъ для ободренія арміи и рѣшилъ его дать.

Съ этою цѣлью было избрано поле близъ Бородина. Оно находилось не доходя 11-ти верстъ до Можайска.

Наши войска пришли къ нему 22-го августа. Наполеонъ со всею арміей стремительно шелъ за нами по пятамъ. 23-го уже начались бои, а 25-го онъ уже обозрѣвалъ наши позиціи.

Подъѣхавъ къ Шевардинскому редуту, гдѣ наканунѣ былъ бой, Наполеонъ спросилъ:

— Сколько взято русскихъ въ плѣнъ?

Фельдмаршалъ Кутузовъ принимаетъ начальство надъ арміей.

Одинъ изъ генераловъ отвѣтилъ:

— Они не сдаются въ плѣнъ, а позволяютъ убивать себя.

— Хорошо, мы будемъ ихъ убивать,—сказалъ Наполеонъ.

На слѣдующій день онъ назначилъ бой.

Со стороны Наполеона было до 170.000 войска; у насъ числилось 113.000 человѣкъ, по донесенію Кутузова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Бородино и занятіе Москвы.

> Всю ночь у пушекъ пролежали
> Мы безъ палатокъ, безъ огней,
> Штыки точили да читали
> Молитвы родины своей. .

Въ благоговѣйной тишинѣ наши войска проводили ночь наканунѣ 26-го августа. Каждый понималъ, что завтра будетъ бой необыкновенный и что, быть можетъ, онъ уже не будетъ живъ до слѣдующаго восхода солнца. Каждый надѣлъ чистое бѣлье и приготовился исполнить до конца свой долгъ.

Генералъ Тучковъ 1-ый.

Не то было у французовъ. Наполеонъ понималъ, что его армія, говорящая на 12 языкахъ, должна быть искусствено возбуждена и подбодрена, и онъ не поскупился ни на вино, ни на хвастливыя обѣщанія. Благодаря вину всѣ захмѣлѣли; благодаря обѣщаніямъ каждый рвался въ Москву, гдѣ его ждала богатая добыча — и въ лагерѣ французовъ всю ночь шелъ дымъ коромысломъ.

Самъ Наполеонъ былъ нездоровъ: его настигъ приступъ обычной его болѣзни, и онъ сильно страдалъ. Ко всему онъ без-

На Бородинскомъ полѣ 24 августа утромъ.

покоился, опасаясь, что русскіе опять отступятъ безъ боя, и почти каждый часъ посылалъ адъютанта справиться: стоятъ ли русскіе. Получая отвѣтъ, что русскіе остаются на мѣстахъ, онъ ненадолго успокаивался, но черезъ нѣсколько минутъ снова волновался, и опять бѣжалъ адъютантъ на передовыя позиціи высматривать огни русскихъ бивуаковъ.

Наполеонъ не спалъ всю ночь.

Наступилъ разсвѣтъ 26-го августа, и съ нашей батареи раздался гулъ выстрѣла, потому что часовымъ въ туманѣ показалось, будто непріятель двинулся. Но непріятель еще не двигался. Выстрѣлъ смолкъ, и нѣкоторое время все еще было тихо.

Генералъ Тучковъ 2-ой.

На звукъ выстрѣла проснулся (но онъ и не спалъ) только Кутузовъ и тотчасъ одинъ поѣхалъ на батарею. Также рано поднялся и Наполеонъ и проѣхалъ на Шевардинскій редутъ. Пробили сборъ. Командиры читали солдатамъ приказъ Наполеона. Разсѣялся туманъ, взошло солнце.

— Вотъ солнце Аустерлица! — воскликнулъ Наполеонъ. Колонны зашевелились. Съ нашихъ батарей грохнули выстрѣлы. Французы напали сразу на лѣвое крыло и на центръ.

Начался бой, знаменитый Бородинскій бой, равнаго которому до того времени не было ни по ожесточенію, ни по количеству войскъ. 300.000 билось ни на животъ, а на смерть.

Первая аттака французовъ была отбита.

Наполеонъ не придумывалъ никакихъ хитрыхъ ходовъ. Онъ просто съ яростью бросалъ свои войска на наши позиціи, какъ на крѣпость; мы отбивали аттаки. Въ 7 часовъ утра онъ возобно-

вилъ нападеніе. Графъ Воронцовъ, Невѣровскій, Коновницынъ и Раевскій отражали аттаки на лѣвый флангъ. Со стороны французовъ гремѣло 130 орудій. Ней, Мюратъ, Даву и Жюно вели аттаки, но нападенія опять были отбиты. Наши генералы дрались наравнѣ съ солдатами. Барклай де-Толли былъ всюду, гдѣ была опасность. Два брата Тучкова, оба генерала, оба пали въ Бородинскомъ бою, а третій, израненный, былъ раньше взятъ въ плѣнъ подъ Смоленскомъ. Вскорѣ бой перешелъ къ центру, гдѣ стояла батарея Раевскаго. Наполеонъ велѣлъ вице-королю аттаковать ее. Батарея переходила изъ рукъ въ руки, но подъ конецъ осталась за нами. Наполеонъ громилъ центръ изъ 400 орудій, съ нашей стороны ему отвѣчали 300. Гулъ пушекъ заставлялъ дрожать землю, отъ дыма не видно было солнца.

Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ...

Багратіонъ бросился самъ въ аттаку и пѣшіе перемѣшались съ конными въ рукопашномъ бою; бились штыками, саблями, тесаками, рвали другъ друга зубами. Багратіона ударило въ ногу осколкомъ ядра и перебило берцовую кость. Его смѣнилъ Коновницынъ. Лѣвое крыло подалось, и часть укрѣпленій успѣли захватить французы, но центръ оставался неколебимъ. Французы теряли людей, теряли своихъ генераловъ и отступали въ бѣгствѣ послѣ каждой своей аттаки. Въ три часа дня Наполеонъ устремилъ все вниманіе на центръ. Онъ направилъ на него почти 700 орудій и осыпалъ тучею ядеръ, а затѣмъ повелъ кавалерійскія аттаки, но кавалерія была быстро разсѣяна, и скоро табуны лошадей безъ всадниковъ бѣшено носились по полю. Въ центрѣ стоялъ Барклай де-Толли, который, казалось, искалъ смерти и заражалъ всѣхъ своею храбростью. Всѣ аттаки французовъ были отбиты, и мы удержали за собою центръ и поле битвы. Въ 6 час. вечера бой сталъ стихать и до наступленія мрака только ревѣла кононада.

Бой, единственный въ исторіи, окончился. Кто побѣдилъ? „Батареи переходили изъ рукъ въ руки, и кончилось тѣмъ, что непріятель съ превосходными силами не выигралъ ни на шагъ

Бородино 26 августа.

земли", — такъ писалъ Кутузовъ въ своемъ донесеніи Государю. Съ нашей стороны пало въ бою до 58.000, со стороны французовъ 60.000, въ томъ числѣ 43 генерала. Наполеонъ былъ пораженъ такимъ результатомъ. Столько жертвъ и никакой побѣды! но въ Парижъ онъ послалъ донесеніе о блестящей побѣдѣ, не думая объ исторіи, которая обличаетъ всякую ложь. Побѣды не было.

Разсказываютъ, что Наполеонъ во время боя совершенно бездѣйствовалъ и даже не слѣдилъ за нимъ. Что-то угнетало его, что-то мѣшало ему съ былой энергіей командовать войсками и показывать имъ примѣръ храбрости.

Графъ Коновницынъ.

Наши войска были утомлены, разстроены, но полны одушевленія. Одушевленіе увеличилось, когда узнали, что на утро Кутузовъ рѣшилъ продолжать бой. Этого хотѣлъ и Наполеонъ.

Кутузовъ уѣхалъ въ Татариново, оставивъ Барклая на полѣ битвы. До 11 час. вечера Кутузовъ не отмѣнялъ рѣшенія возобновить бой, но къ нему пріѣхалъ Дохтуровъ и доложилъ о страшной убыли во 2-ой арміи. Это совершенно измѣняло дѣло, и Кутузовъ тотчасъ отдалъ приказъ отступать къ Можайску. Всю ночь передвигалась армія. Утромъ 27-го августа Наполеонъ выѣхалъ осмотрѣть поле битвы и увидѣлъ, что Кутузовъ уводитъ свою армію. Онъ послалъ вдогонку Мюрата, приказавъ занять Можайскъ, но Можайскъ заняли мы, и Мюратъ не рѣшился насъ аттаковать. Обозъ главной квартиры вернулся назадъ къ Бородину, и Наполеонъ провелъ ночь въ 6 верстахъ отъ Можайска. 29-го августа мы отступили къ Крутицамъ. Здѣсь Мюратъ напалъ на Милорадовича, командовавшаго арріергардомъ.

Завязалось жаркое дѣло, и Мюратъ былъ отбитъ съ такимъ урономъ, что послѣ уже слѣдовалъ за арміей на растояніи пушечнаго выстрѣла. 30-го августа мы перешли къ селу Никольскому и 1-го сентября подошли къ Москвѣ.

На Поклонной горѣ собрались генералы и графъ Растопчинъ обсудить планъ защиты Москвы и предстоящаго боя. Внизу подъ ногами разстилалась древняя столица. Ни у кого не было мысли уступить непріятелю Москву, кромѣ одного Кутузова, у котораго уже созрѣло это рѣшеніе. Послѣ долгихъ разсужденій Кутузовъ уѣхалъ въ Фили, гдѣ остановился въ крестьянской избѣ, и въ 5 час. вечера велѣлъ созвать къ себѣ на совѣтъ генераловъ Бенигсена, Барклая, Дохтурова, Уварова, Остермана, Раевскаго, Коновницына, Ермолова, Кайсарова и Толя. Бенигсенъ предложилъ вопросъ: „выгоднѣе ли сражаться подъ Москвою или уступить ее непріятелю?“ Поднялся ожесточенный споръ. Кутузовъ слушалъ молча и, казалось, дремалъ. Затѣмъ, выслушавъ мнѣнья всѣхъ, онъ сказалъ свое рѣшеніе: „Съ потерею Москвы не потеряна Россія. Первою обязанностью поставляю сохранить армію и сблизиться съ войсками, идущими къ намъ на подкрѣпленіе. Самымъ уступленіемъ Москвы приготовимъ мы гибель непріятелю. Изъ Москвы я намѣренъ итти по рязанской дорогѣ. Знаю, отвѣтственность обрушится на меня, но жертвую собою для блага отечества“.

Графъ Милорадовичъ.

И затѣмъ, поднявшись и распуская совѣтъ, онъ сказалъ:

— Приказываю отступать!

Отдача Москвы безъ боя была рѣшена. Это рѣшеніе тяжело пало на душу Кутузову. Оставшись одинъ онъ долго ходилъ по избѣ въ глубокой задумчивости. Вошелъ любимый имъ офицеръ,

полковникъ Шнейдеръ, 20 лѣтъ бывшій съ нимъ неразлучно, и спросилъ его: „Гдѣ же мы остановимся?“ Фельдмаршалъ рѣзко отвѣтилъ: „Это я знаю!“ а потомъ подошелъ къ столу, ударилъ по немъ кулакомъ и воскликнулъ: „но ужъ доведу я проклятыхъ французовъ до того, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо!“

Только одинъ Кутузовъ, этотъ народный избранникъ, могъ осмѣлиться на такой шагъ, который вначалѣ поразилъ всю Россію печалью, а потомъ наполнилъ гордостью.

2-го сентября наши войска, перейдя черезъ Москву, оставили ее. Слѣдомъ за ними шли французы. Впереди Мюратъ со своимъ авангардомъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Французы въ сердцѣ Россіи.

Понемногу Москва готовилась къ своему бѣдствію. Вначалѣ не было и мысли у москвичей, что древняя столица можетъ стать добычей непріятеля и, когда 19-го іюля Государь выѣхалъ изъ Москвы, жизнь, взолнованная этимъ событіемъ, снова потекла обычно. Москвичи получали письма отъ родныхъ, находящихся въ арміи, жадно воспринимали извѣстія и толковали о нихъ, но безпокойство не касалось никого, и продолжались съѣзды, рауты и загородные пиры на дачахъ. Единственно плохо приходилось отъ простого народа иностранцамъ и даже всякому, рѣшившемуся говорить не на русскомъ языкѣ.

Губернаторъ, графъ Растопчинъ, хлѣбосолъ, богатый баринъ, человѣкъ истинно русской души, поддерживалъ бодрость населенія, оповѣщая о ходѣ войны особыми афишами, которыя онъ составлялъ шуточнымъ народнымъ языкомъ съ прибаутками.

Наступилъ августъ, и скоро Москва приняла военный видъ; запестрѣли шапки и кафтаны ополченцевъ, потянулись обозы съ ранеными, дамы въ салонахъ занялись шитьемъ бѣлья и щипаніемъ корпіи.

Волны французской арміи уже докатились до Смоленска, этой твердыни, заслоняющей Москву отъ враговъ. Москвичи и

мгновенія не думали, что Смоленскъ можетъ пасть, но онъ палъ, и слѣдомъ за этимъ тучи бѣглецовъ изъ Смоленска и Смоленской губерніи наводнили Москву. Слѣдомъ за ними стали прибывать раненые, и скоро дома обратились во временные госпитали. Прибывающіе изъ Смоленской губерніи разсказывали ужасы о пожарахъ, разореніи, этихъ гибельныхъ спутникахъ войны, и разнузданныхъ французскихъ солдатахъ. Съ хоругвями и крестнымъ ходомъ внесли въ Москву чудотворную икону Смоленской Божьей Матери. Графъ Растопчинъ, заботясь о казенномъ имуществѣ, вытребовалъ изъ уѣздовъ подводы и лошадей. Изъ министерствъ въ Москву привозились бумаги съ указаніями, что и куда вывозить. Опасность за цѣлость Москвы становилась возможной, и жители массою тронулись изъ столицы. На короткое время вѣсть о назначеніи Кутузова оживила Москву надеждою, но скоро вѣсть о нашемъ отступленіи съ Бородинскаго поля съ еще большею силой пробудила опасенія, и Москва вдругъ вся тронулась изъ Москвы.

Наступилъ хаосъ. Одинъ Растопчинъ отправилъ казенное имущество на 60,000 подводахъ. Богатые жители наскоро убирали имущества, болѣе цѣнныя вещи прятали въ подвалы, зарывали въ землю и, спѣшно снаряжая подводы, уѣзжали въ свои имѣнья, во внутрь Россіи. Тѣ, у кого не хватало подводъ, старались нанять у крестьянъ, но стоимость ихъ поднялась до баснословной суммы. По улицамъ двигались возы, у заставъ происходили давки. Наступилъ день 1-го сентября. Оставшіеся еще жили надеждой, что Кутузовъ дастъ сраженіе подъ стѣнами Москвы и отразитъ непріятеля, но вечеромъ графъ Растопчинъ получилъ извѣщеніе объ оставленіи Москвы, и медлившіе доселѣ отъѣздомъ жители теперь разомъ хлынули изъ города. Еще ночью на 2-ое сентября черезъ Драгомиловскую заставу вошли въ городъ обозъ и артиллерія нашей арміи, а на зарѣ потянулись пѣхота и кавалерія и все войско. Безконечной чередой они проходили черезъ Москву и выходили за Коломенскую заставу. Только въ Москвѣ солдаты узнали, что они отдаютъ столицу безъ боя, и многіе изъ нихъ заплакали. Дома въ Москвѣ опустѣли, въ лавкахъ и магазинахъ спѣшно укладывали товаръ въ тюки и зарывали въ землю. Бѣдные жители, неимѣющіе средствъ нанять подводы, метались

какъ на пожарѣ. Войска проходили и оставляли Москву. Уже въ городъ втягивался арьергардъ подъ начальствомъ Милорадовича, когда по его пятамъ явился Мюратъ. Милорадовичъ тотчасъ послалъ къ Мюрату сказать, что если французы хотятъ занять Москву безъ боя и невредимою, то пусть онъ остановится и подождетъ, когда послѣдній русскій солдатъ выйдетъ изъ города; иначе ему придется брать каждый домъ штурмомъ. Мюратъ смутился и тотчасъ согласился обождать до слѣдующаго утра, т. е. до 3-го числа. Наши войска вышли.

Графъ Растопчинъ.

Въ то время, какъ Кутузовъ стоялъ у Коломенской заставы, слѣдя за прохожденіемъ войскъ; Наполеонъ подъѣхалъ къ Драгомиловской заставѣ и сталъ ходить, ожидая депутацію изъ Москвы.

Онъ привыкъ къ торжественнымъ встрѣчамъ. Обычно управители города съ депутаціей выносили ему ключи, онъ говорилъ имъ пышныя рѣчи послѣ и съ торжествомъ побѣдителя въѣзжалъ въ городъ.

И теперь онъ ждалъ бояръ и сановниковъ. Внизу его съ Поклонной горы сверкала златоглавая Москва. Онъ жадно разглядывалъ ее въ подзорную трубу, потомъ снова ждалъ депутаціи и его начинало охватывать нетерпѣніе, а свиту его—смущенье. Ничего подобнаго до сихъ поръ не было. Наконецъ, въ нетерпѣніи онъ послалъ своего секретаря съ офицерами въ Москву, сказавъ имъ: „приведите мнѣ бояръ!“

Они ускакали и скоро очутились среди опустѣвшихъ улицъ. Они поѣздили по пустымъ улицамъ, подобрали нѣсколько гувернеровъ и торговцевъ и привели ихъ къ Наполеону. Ничего похо-

жаго на депутацію изъ бояръ не было. Наполеонъ обратился къ одному французу:

— Кто вы?

— Французъ, поселившійся въ Москвѣ. Торговалъ книгами...

— Значитъ, мой подданный. Гдѣ сенатъ?

— Выѣхалъ.

— Губернаторъ?

— Тоже.

— Гдѣ народъ?

— Его нѣтъ.

— Кто же въ Москвѣ?

— Никого.

— Не можетъ быть!

— Клянусь честью...

— Замолчи!

Наполеонъ грозно нахмурился и уѣхалъ на ночлегъ въ Драгомиловкую ямскую избу.

Это извѣстіе поразило всѣхъ.

Наполеонъ написалъ прекрасныя воззванія; читать ихъ было некому. Онъ составилъ программу торжественнаго въѣзда; смотрѣть на это торжество было некому. Армія, отъ солдата до генерала, была смущена. Гдѣ же тріумфы побѣды, гдѣ торжество, гдѣ славный миръ? ради чего всѣ оставили прекрасную Францію? Распространилось уныніе, послышался ропотъ, началось своеволіе, самовольное оставленіе рядовъ, а послѣ грабежъ.

Между тѣмъ Мортье уже занялъ Кремль и приготовлялъ помѣщенье для Наполеона; Мюратъ вошелъ со своимъ авангардомъ. Солдаты уже разсыпались для грабежа.

На другой день 3-го сентября въ 11 час. утра Наполеонъ въѣхалъ въ пустой, безлюдный городъ. Только кое-гдѣ мелькали растерянные, неуспѣвшіе уѣхать, жители, да разные бродяги и разбойники, думавшіе пограбить дома, наряду съ французами.

Наполеонъ ѣхалъ на маленькой арабской лошади въ своемъ сѣромъ сюртукѣ безъ всякихъ знаковъ отличія, и на лицѣ его отражались то изумленіе, то негодованіе, то забота. Въѣхавъ въ Кремль, онъ сказалъ:

— Вотъ гордыя стѣны!

Онъ сошелъ съ коня и вступилъ въ чертоги русскихъ царей. Въ то же время запылали москательный рядъ, дома въ Китай-городѣ и вспыхнули гостинный дворъ и каретный рядъ.

Началось небывалое. Горѣла Москва, древняя русская столица. Къ вечеру пожаръ разлился уже по всей Москвѣ; вслѣдствіе страшнаго жара поднялся ураганъ, и вся Москва обратилась въ море пламени.

Французы съ жадностью бросились грабить городъ. Они врывались въ дома и собирали въ нихъ все цѣнное безъ разбора; грабили церкви, вбѣгали въ лавки и уносили, разсыпали, раскидывали всѣ товары.

Говорятъ, что если бы не было грабежа и безчинства, то французы могли бы спокойно прожить въ Москвѣ, питаясь тѣми запасами, которые были оставлены жителями и въ лавкахъ, но солдаты въ грабежѣ сами предавали эти запасы уничтоженію, а огонь истреблялъ остальное.

Огненный ураганъ былъ такъ силенъ, что по воздуху летали цѣлыя бревна, охваченныя огнемъ; цѣлыя крыши, сорванныя съ домовъ; а головни и искры мелькали въ дыму, какъ ракеты. Отъ сильнаго жара растапливались свинцовыя крыши и рамы, мѣдные кресты, колокола, украшенія и расплавленнымъ дождемъ падали внизъ.

Французы грабили, и не мало ихъ задохлось въ дыму, не мало сгорѣло заживо. Наполеонъ съ изумленіемъ и негодованіемъ смотрѣлъ на пожаръ, но скоро надо было думать о своей безопасности. Огонь проникъ уже въ Кремль. Воздухъ уже такъ накалился, что дышать не было силъ, и Наполеонъ спасаясь долженъ былъ пробиваться черезъ огонь и бѣжать за городъ, въ Петровскій дворецъ. Пожаръ разливался, французы неистовствовали. Они заняли храмы, поставили въ нихъ лошадей и стаскивали туда награбленное добро. Армія обратилась въ полчище разбойниковъ и послѣ не могла уже сдѣлаться арміей, т. е. собраніемъ послушныхъ солдатъ и честныхъ воиновъ.

Пожаръ Москвы началъ утихать только къ 8-му сентября. Наполеонъ вернулся въ Кремль и тотчасъ составилъ комиссію для разбора причинъ пожара и поимки поджигателей.

Очень быстро они нашли 800 человѣкъ и начали ихъ раз-

стрѣливать, но трудно рѣшить—отчего сгорѣла Москва. Всѣ причины соединились вмѣстѣ и дали ужасное слѣдствіе. Несомнѣнно были патріоты, жегшіе свои жилища; были разбойники, послѣ преступленія зажигавшіе дома, но много было и неосторожныхъ поджоговъ, особенно въ разгулѣ грабежа. Ночью французы бѣгали грабить дома съ факелами въ рукахъ. Ночью на дворахъ и на улицахъ раскладывали костры и при общемъ безпорядкѣ, при скопленіи почти 200,000 пьяныхъ, буйныхъ людей пожаръ Москвы не кажется удивительнымъ.

Въ это время, армія Кутузова уже отошла на Рязанскую дорогу, затѣмъ ловкимъ переходомъ перешла на Калужскую и расположилась лагеремъ въ Тарутинѣ, гдѣ Кутузовъ рѣшилъ ждать событій, не торопя ихъ, а тѣмъ временемъ усилить армію ополченьями, привести ее въ порядокъ и дать ей отдохнуть.

Тяжелое извѣстіе объ оставленіи Москвы Государю повезъ отъ Кутузова полковникъ Мишо, который и прибылъ въ Петербургъ 9-го сентября, но Государь уже зналъ объ этомъ отъ графа Растопчина.

Государь принялъ Мишо на Каменномъ островѣ, и первыя слова его были:

— Конечено, вы присланы съ печальными вѣстями?

— По несчастью, весьма печальными, — отвѣтилъ Мишо, — Москва нами оставлена.

— Какъ? — воскликнулъ Государь, — развѣ мы проиграли сраженіе, или Москва отдана безъ боя?

Мишо объяснилъ, что сраженія дать было нельзя, такъ какъ самая мѣстность была для насъ неудобна, и потому главнокомандующій предпочелъ сохранить для спасенія отечества армію.

— Вошелъ ли непріятель въ Москву?

— Вошелъ, Государь. И теперь Москва уже превращена въ пепелъ. Я оставилъ ее, объятую пламенемъ.

Слезы полились изъ глазъ Государя. Онъ закрылъ лицо рукою.

— Боже мой! какое несчастье!

— Не огорчайтесь, Государь! ваша армія ежедневно усиливается...

Государь перебилъ Мишо:

— Изъ всего, что съ нами сбывается, я заключаю, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ жертвъ, особенно отъ меня. Я готовъ покориться волѣ Его, но скажите: что говорили

Императоръ Александръ I и полковникъ Мишо.

войска, когда древнюю столицу мою оставили безъ выстрѣла? не подѣйствовало ли это на нравственность солдатъ? не замѣтили ли вы упадка духа?

— Позволите ли мнѣ, какъ солдату, говорить откровенно?

— Я требую этого: говорите, ничего не скрывая.

— Государь, признаюсь я оставилъ всю армію, отъ Кутузова до солдата, въ неописанномъ страхѣ...

Государь отшатнулся.

— Что вы говорите? мои солдаты!..

— Они боятся, что вы по добротѣ сердца Вашего не заключили бы мира. Они горятъ желаніемъ сразиться съ врагомъ.

Государь потрепалъ Мишо по плечу и сказалъ:

— Вы облегчили мое сердце. Вы меня успокоили. Возвратитесь въ армію, говорите моимъ вѣрноподаннымъ вездѣ, что если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду самъ предводительствовать ими и подвигну всѣ средства моей имперіи. Россія дастъ мнѣ болѣе средствъ, чѣмъ полагаетъ непріятель. Но, если судьбою и промысломъ Божьимъ предназначено роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, я отращу себѣ бороду до сихъ поръ (показывая рукою на грудь) и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества. Наполеонъ или я, я или онъ— но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать. Я узналъ его: онъ болѣе не обманетъ меня.

— Государь, — отвѣтилъ Мишо, — Ваше Величество подписываете въ сію минуту славу вашего народа и спасеніе Европы.

Полныя величія и желѣзной воли слова Государя быстро разнеслись по всей Россіи и еще сильнѣе воспламенили сердца ненавистью къ врагу и жаждой отмщенья.

Надъ Наполеономъ уже собирались грозныя тучи, и онъ чувствовалъ уже свою гибель, но глубоко таилъ эти мысли даже отъ самого себя.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Перемѣна счастья.

Въ первые дни безумная мысль овладѣла Наполеономъ: онъ хотѣлъ двинуться на Петербургъ, но противъ этого плана воз-

стали всѣ его маршалы. Они видѣли растройство арміи и боялись морозовъ, которые уже приближались.

Одни изъ маршаловъ совѣтовали собрать въ Москвѣ всѣ оставшіеся припасы и зимовать въ Москвѣ, другіе — немедленно отступить къ Смоленску, третьи — итти на Калугу и Тулу и, наконецъ, всѣ предлагали немедля обратиться къ Императору Александру съ предложеніемъ мира. Наполеонъ отвѣтилъ: „Неужели вы думаете, что русскіе рѣшившись сжечь Москву, заговорятъ о мирѣ!“

Все же ему пришлось согласиться съ маршалами и оставить свой безумный планъ.

Три дня провелъ Наполеонъ въ Петровскомъ дворцѣ и вернулся назадъ въ Кремль. Проѣзжая по Москвѣ, онъ кругомъ видѣлъ дымящіяся развалины; оборванные солдаты его арміи продолжали грабежъ; онъ видѣлъ немногихъ изъ оставшихся жителей, которые блуждали по огородамъ и выдергивали овощи, чтобы питаться. Москва была разгромлена и обезчещена. Храмы были обращены въ казармы и конюшни, нѣсколько бараковъ были сколочены изъ большихъ образовъ. Вездѣ шло пьянство и разбой.

Наполеонъ вернулся въ Кремль и сталъ ждать отъ Александра начала переговоровъ о мирѣ. Терпѣнье его истощалось, надежды померкли. Тогда онъ самъ написалъ письмо и поручилъ отвезти его отставному русскому офицеру Яковлеву. Этотъ Яковлевъ 2-го сентября со своими крѣпостными и больнымъ отцомъ собирался оставить Москву, но замѣшкался и былъ взятъ въ плѣнъ. Его-то 8-го сентября и послалъ Наполеонъ, давъ свободный пропускъ. Яковлевъ вышелъ изъ Москвы пѣшкомъ, уводя съ собою болѣе 500 человѣкъ подъ видомъ своихъ крѣпостныхъ. Дойдя до передовой нашей цѣпи онъ явился къ генералу Винцегероде и тотъ отправилъ его въ Петербургъ.

Государь не захотѣлъ даже прикоснуться къ письму Наполеона и велѣлъ Аракчееву принять его. Понятно, на письмо свое Наполеонъ не получилъ отвѣта.

Мрачныя мысли овладѣвали имъ. Армія предавалась грабежу и разгулу, Наполеонъ—унынію. Только 17-го сентября, онъ словно очнулся и закипѣлъ дѣятельностью. Въ Москвѣ онъ

тотчасъ образовалъ управленіе и полицію, но уже не могъ водворить порядка. То, что недограблено, продолжало ограбляться; церкви и монастыри были запакощены; солдаты и офицеры у Красныхъ воротъ разставляли образа и стрѣляли по нимъ, какъ въ цѣль. Наполеонъ каждый день выѣзжалъ верхомъ и дѣлалъ прогулку по улицамъ Москвы, но даже его появленіе не удерживало отъ безчинствъ.

Но онъ не терялъ еще совершенно бодрости. Въ Парижъ онъ посылалъ извѣстія о своихъ побѣдахъ и занятіи Москвы, и тамъ его прославляли, какъ героя, не подозрѣвая, что тронъ его уже колеблется. Въ Австрію, Пруссію и Варшаву онъ писалъ, требуя подрѣпленіе войскамъ, и назначилъ во Франціи новые наборы. Въ то же время онъ заботился о складахъ провіанта въ Смоленскѣ. Въ Москвѣ онъ началъ укрѣплять Кремль, потомъ оставилъ эту мысль. Распорядился починить всю аммуницію и дѣлалъ каждый день смотръ своей гвардіи, которая одна еще напоминала войско. Но главная его мысль была все таки о мирѣ. 22-го сентября онъ рѣшился на новый шагъ и послалъ своего дипломата Лористона съ формальными предложеніями мира къ князю Кутузову въ Тарутинскій лагерь.

Кутузовъ принялъ Лористона въ своей избѣ. По пути черезъ лагерь, гдѣ проѣзжалъ Лористонъ вечеромъ, нарочно приказано было солдатамъ пѣть и веселиться. Кругомъ на громадномъ разстояніи нарочно были разложены костры; солдатамъ отпущено было мясо, и Лористонъ видѣлъ кругомъ полное довольство и неисчислимыя силы русскихъ войскъ.

Кутузовъ говорилъ съ Лористономъ 50 минутъ. На его предложеніе мира, Кутузовъ отвѣтилъ, что Государь отправляя его въ армію, слова „миръ“ не упоминалъ совершенно, но что онъ пошлетъ Государю сообщеніе объ этомъ разговорѣ. На жалобы Лористона, что народъ преслѣдуетъ солдатъ и полонъ озлобленія, фельдмаршалъ отвѣтилъ, что онъ командуетъ арміей и не въ его власти чувства народныя, при чемъ прибавилъ, что „можетъ быть французскую армію ожидаютъ еще большія несчастья со стороны народа“.

На предложеніе перемирія Кутузовъ опять отвѣтилъ, что Государь запретилъ даже произносить слова „миръ и перемиріе“.

Наполеонъ въ горящей Москвѣ.

Лористонъ уѣхалъ, не привезя Наполеону ничего утѣшительнаго, и Наполеонъ тщетно ждалъ отвѣта отъ Александра.

За царя и за родину отвѣчалъ весь народъ.

До потери Москвы каждый думалъ, что всѣ силы должны быть потрачены для ея защиты, что съ ея паденіемъ погибнетъ Русь. Но Москва была занята французами, и русскіе словно сразу прозрѣли. Есть болѣе цѣнное, чѣмъ Москва: *есть отечество.* Будетъ спасено отечество, и Москва возродится. Не разъ горѣла она отъ пожаровъ. Была въ рукахъ поляковъ, и опять возрождалась во всей красѣ и силѣ.

Взятіе Москвы только усилило ненависть къ врагу.

Когда горѣла Москва и зарево пожара освѣщало окрестности на 150 верстъ кругомъ, каждый русскій давалъ клятву мести и сдержалъ ее. Французы уже начинали чувствовать, что война стала народной и имъ грозитъ страшнѣе, нежели штыки и пушки— топоры и вилы, голодъ и пожары.

Эта война началась со всѣхъ сторонъ. Началась она еще отъ Смоленска, но теперь приняла уже громадные размѣры и преслѣдовала врага на каждомъ шагу. Сначала въ Москвѣ. Немногіе оставшіеся жители, видя надруганія надъ святынями, видя грабежи и разбои, прониклись такой ненавистью къ французамъ, что стали охотиться за ними по ночамъ или въ уединенныхъ кварталахъ. Пьяный солдатъ вдругъ исчезалъ безслѣдно. Пробирался солдатъ или офицеръ пустынной улицей и погибалъ. Трупы убитыхъ бросали въ пруды, въ колодцы, въ Москву рѣку. Скоро солдаты уже не рѣшались ходить даже вдвоемъ, не только въ одиночку, а ходили отрядами въ 6, въ 10 человѣкъ. Еще гибельнѣе для нихъ и страшнѣе были окрестные жители. Крестьяне селъ и деревень образовывали шайки, они давали другъ другу клятвы въ вѣрности и выходили охотиться на французовъ. Жестокость такихъ охотниковъ была непомѣрная. Достаточно было подозрѣнія, что забранный ими—французъ, и онъ погибалъ отъ удара топора, косы или ножа. Былъ случай, когда крестьяне истребили отрядъ казаковъ, принявъ ихъ за французовъ, потому что они нечисто произносили русскія слова. Противъ враговъ принимались всѣ средства. Подъ командою какого-нибудь стараго солдата выходили мужики цѣлой деревни вооруженные топорами,

Французы въ Москвѣ 10-го сентября 1812 г.

вилами, косами, а иные ружьями и пиками. Они устраивали засаду и нападали на небольшіе отряды или отставшихъ французовъ. Если же имъ встрѣчался сильный отрядъ, они прибѣгали къ хитрости. Они кланялись, ласково предлагали всякую ѣду и вели французовъ въ избу. А послѣ запирали избу и сжигали ее вмѣстѣ съ французами или, дождавшись когда они уснутъ, рѣзали ихъ сонными.

Среди этихъ мстителей попадались и женщины. Такъ особенно отличалась старостиха одной сычевской деревни Василиса. Большая, сильная, она ходила въ синей французской шинели съ саблею черезъ плечо. Пощады отъ нея не зналъ никто. Французы выучили ея имя и произносили его со страхомъ.

Эти шайки причиняли много вреда французамъ, но онѣ стали еще опаснѣе, когда на гибель врагамъ появились партизанскіе отряды.

Партизанскіе отряды придумалъ гусарскій офицеръ Давыдовъ *) и предложилъ образовать ихъ Кутузову. Кутузову понравилась его мысль, и онъ немедля привелъ ее въ исполненіе.

Составлялись отряды изъ отчаянно храбрыхъ людей подъ командою одного офицера.

Такому отряду указывалось только мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ дѣйствовать, а уже дѣйствовалъ онъ самъ отъ себя вполнѣ самостоятельно.

Эти отряды явились бичемъ для французовъ. Наполеонъ не могъ прервать сношеній ни съ Франціей, ни съ ближайшими пунктами довольства. Отъ Вильно до Смоленска и отъ Смоленска до Москвы было учреждено непрерывное сообщеніе. Изъ Смоленска по Смоленской дорогѣ тянулись обозы съ аммуниціей, снарядами, съ продовольствіемъ.

И вотъ партизанскіе отряды гдѣ нибудь притаившись въ засадѣ вдругъ нападали на обозъ, производили смятенье, убивали проводниковъ и уничтожали весь обозъ. Случалось изъ Москвы выходилъ отрядъ для фуража, а его уже стерегъ партизанскій отрядъ и, напавши врасплохъ, уничтожалъ весь.

Для этихъ отрядовъ крестьяне служили проводниками. Они

---

*) Онъ былъ и талантливымъ поэтомъ. *Примѣч.*

вели ихъ по лѣснымъ тропинкамъ, черезъ болота, указывали мѣста для засады, извѣщали о движенiи обоза или отряда. За это партизаны снабжали ихъ оружiемъ и, дѣйствуя всегда за одно, истребляли французовъ сотнями ежедневно.

Наполеонъ, слыша о нихъ, приходилъ въ ярость и содроганiе.

Не было сраженiй. Не нападало одно войско на другое, а великая армiя таяла и теряла свой побѣдоносный видъ.

Среди партизановъ особенно отличались: Давыдовъ, Орловъ — Денисовъ, Сеславинъ и Фигнеръ, при чемъ Фигнеръ былъ смѣлъ до дерзости и жестокъ, какъ звѣрь. Онъ никогда не бралъ въ плѣнъ французовъ, а убивалъ ихъ.

Дорогу отъ Смоленска въ Москву оберегалъ сильный отрядъ вестфальцевъ въ Вереѣ, которую Наполеонъ послѣ Бородина занялъ и укрѣпилъ.

Кутузовъ послалъ Дорохова взять Верею. 27-го сентября Дороховъ внезапно напалъ на вестфальцевъ, выбилъ ихъ и занялъ Верею.

Генералъ Раевскiй.

Къ нему тотчасъ явилось ополченiе изъ 1.000 крестьянъ подъ предводительствомъ сельскаго священника.

Дороховъ поручилъ имъ охрану Вереи.

Съ этой поры вся Смоленская дорога открылась дѣйствiямъ нашихъ партизанскихъ отрядовъ.

Всѣ окрестности были заполнены русскими, жаждущими мести. Французы погибали, натыкаясь на засады, отъ внезапныхъ нападенiй и принуждены были ходить не иначе, какъ большими отрядами, но и это не спасало ихъ.

Подлѣ самаго Смоленска дѣйствовали также отряды партизанъ охотниковъ. Вся Смоленская губернiя, кромѣ 4 уѣздовъ,

была во власти французовъ. Въ этихъ 4 уѣздахъ составились ополченія, которыя всячески наносили вредъ французамъ, уничтожая ихъ и ихъ запасы. Изъ начальниковъ этихъ отрядовъ особенно отличились помѣщики: отставной подполковникъ Энгельгардъ и коллежскій ассесоръ Шубинъ. Французы успѣли захватить ихъ въ плѣнъ.

Партизанъ Дороховъ.

Они приговорили ихъ къ казни, но медлили исполненіемъ, уговаривая ихъ перейти на французскую службу.

Наконецъ, ихъ повели на казнь. Энгельгардъ не позволилъ завязывать себѣ глаза. Ему нарочно прострѣлили только ногу и опять стали уговаривать измѣнить родинѣ. Онъ отказался.

Тогда его разстрѣляли.

Подъ стѣнами Смоленска ему поставленъ скромный памятникъ.

Но, не смотря на это, каждый готовъ былъ быть Энгельгардомъ. Смерть никого не страшила. Всѣ дышали однимъ чувствомъ, и французы были окружены пламенемъ народнаго возстанія.

Спасенія имъ не было.

Наполеонъ въ Москвѣ былъ почти отрѣзанъ.

Счастье перемѣнилось, и онъ уже былъ безсиленъ повернуть его въ свою сторону.

Время хвастливаго ликованія приходило къ концу, и онъ это чувствовалъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Народныя силы и наша армія.

Въ то время, какъ на всемъ протяженіи отъ Смоленска до Москвы, въ самой Москвѣ и въ отдѣльныхъ отрядахъ у французовъ царили смерть и уныніе, наша армія въ Тарутинскомъ лагерѣ наслаждалась отдыхомъ и довольствомъ.

Зарево Московскаго пожара наполнило горечью и мщеніемъ русскія сердца; солдаты плакали. Но затѣмъ эти чувства улеглись, и ихъ смѣнило настолько ясное сознаніе своей силы, что армія повеселѣла, и ея настроеніе перешло въ народъ:

— Лишь бы не замириться!

— Москву отдали. Чего хуже. Теперь злодѣю не сдобровать.

Каждый понималъ, что Наполеонъ въ Москвѣ попалъ въ ловушку, изъ которой ему живымъ не выбраться. Въ лагерѣ распѣвалась пѣсенка:

Хоть Москва въ рукахъ французовъ,
Это, право, не бѣда:
Нашъ фельдмаршалъ князь Кутузовъ
Ихъ на смерть впустилъ туда.
Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги,
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги.
Побывать въ столицѣ—слава!
Но умѣемъ мы отмщать—
Знаетъ крѣпко то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать!..

Что въ отмщеніе мы должны побывать въ Парижѣ — это сознанье явилось у всѣхъ отъ Государя до послѣдняго рядового сразу, въ одно время.

И, спустя полтора года, Александръ во главѣ русскихъ въѣзжалъ побѣдителемъ въ Парижъ. Мы расплатились честно.

Къ Кутузову была прислана изъ Петербурга басня Крылова „Волкъ на псарнѣ“.

Она очень понравилась фельдмаршалу и онъ тотчасъ прочелъ ее передъ собравшимися офицерами:

Волкъ, думая попасть въ овчарню,
Попалъ на псарню...

А когда онъ дошелъ до словъ псаря къ волку:

Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ...

то снялъ фуражку и, потрясая сѣдою, какъ лунь, головою, сказалъ:

И волчью я повадку знаю!..

Громкое „ура" и дружный смѣхъ раздались вокругъ Кутузова. Басня полетѣла по лагерю, и скоро ее зналъ почти каждый солдатъ.

Весело и бодро проводили въ лагерѣ время. Послѣ долгихъ и утомительныхъ переходовъ солдаты, наконецъ, отдохнули и жили въ полномъ довольствѣ. Имъ отпускалось мясо и три раза въ недѣлю вино, а въ худую погоду каждый день. Отовсюду въ лагерь купцы присылали свои товары съ приказомъ продавать все по дешевымъ цѣнамъ, и каждую недѣлю въ Тарутинѣ устраивалась веселая ярмарка.

Со всѣхъ сторонъ въ лагерь тянулись женщины и старики, пользуясь случаемъ навѣстить своихъ мужей, братьевъ или сыновей.

Народъ роднился съ солдатами и передавалъ другъ другу твердое мужество и радостныя надежды.

Ко всему еще армія крѣпла не по днямъ, а по часамъ. Изъ резервовъ пришло 20,000 солдатъ вооруженныхъ и обмундированныхъ; съ Дона и Урала приходили кавалерійскіе полки. Съ одного Дона подъ командою Иловайскаго, Грекова 1-го и Грекова 2-го пришли 26 казачьихъ полковъ, въ которыхъ были и сѣдые старики, и 15-ти лѣтніе юноши. Собрались всѣ: Московское, Тверское, Калужское, Тульское ополченія.

Силы собирались несмѣтныя.

Кутузовъ дѣлалъ имъ смотры и потомъ разсылалъ ихъ, соблюдая осторожность, вокругъ Тарутина, стараясь заслонить внутреннія губерніи отъ вражескаго вторженія.

Самъ Кутузовъ выросъ въ глазахъ народа въ героя Отечественной войны, и всѣ смотрѣли на него, какъ на спасителя. Со всѣхъ сторонъ шли къ нему депутаціи, присылались и приносились образа. Онъ ласково встрѣчалъ всѣхъ и успѣвалъ отвѣчать на всякое посланіе.

Поощряя народъ къ войнѣ, онъ вызывалъ отличившихся къ себѣ, выходилъ къ нимъ самъ и лично награждалъ ихъ крестами или медалями.

До Наполеона доходили слухи о полномъ благополучіи нашей арміи, и онъ приходилъ въ бѣшенство. Въ эту пору ненависть его къ Александру не знала предѣловъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Первое пораженіе и выступленіе французовъ изъ Москвы.

По мѣрѣ того, какъ силы наши возрастали, и духъ арміи укрѣплялся въ сознаніи, что она побѣдитъ, въ арміи Наполеона царили распущенность, уныніе и, что всего ужаснѣе, голодъ.

Настоящій голодъ. Отрѣзанная партизанскими отрядами и народными шайками отъ Смоленска, французская армія не получала провіанта и достать кусокъ хлѣба было труднѣе, чѣмъ слитокъ золота. У солдатъ былъ мармеладъ, чай, изюмъ, разныя сласти, вино, но не было ни хлѣба, ни мяса.

Какъ велико было ихъ бѣдствіе, видно изъ того, что когда одинъ генералъ обратился къ Московскому губернатору Лессепсу (назначеннаго Наполеономъ) съ просьбой о хлѣбѣ, тотъ отвѣтилъ: „Я—ничтожнѣйшій изъ губернаторовъ и все что могу сдѣлать—это подѣлиться моимъ скуднымъ запасомъ. У меня есть 4 бутылки вина и нѣсколько яицъ, изъ которыхъ я и посылаю вамъ половину".

Но хлѣба не было. Солдаты рыскали по задворкамъ и огородамъ и были рады, когда находили какой-нибудь проросшій картофель.

Напрасно Наполеонъ писалъ возванія къ окрестнымъ жите-

Маршалъ Мюратъ.

Маршалъ Викторъ.

Маршалъ Удино.

Маршалъ Даву.

Маршалъ Ожеро.

Маршалъ Ней.

Маршалъ Бертье.

Генералъ Макдонадьдо.

лямъ и разбрасывалъ ихъ, приглашая привозить въ Москву продукты и торговать ими.

На его приглашенія никто не отзывался.

Если бѣдствовали въ самой Москвѣ, то въ ея окрестностяхъ эти бѣдствія доходили до ужасовъ. Посланный вслѣдъ за нами Мюратъ, составлявшій авангардъ, стоялъ вдоль рѣки Чернишни, на дорогѣ отъ Тарутина въ Москву. Передъ нимъ стоялъ арьергардъ нашей арміи съ Милорадовичемъ во главѣ, а съ тылу и съ боковъ бродили вооруженные крестьяне, и рыскали партизанскіе отряды.

Вначалѣ Мюратъ разсылалъ отряды для фуражировки, но они стали пропадать все чаще и чаще, и скоро кругъ ихъ дѣйствій совершенно съузился. Доставка провіанта прекратилась, наступилъ голодъ.

Собранные съ полей рожь, ячмень, гречу размачивали въ водѣ, пока на нихъ не лопалась кожура; тогда растирали зерна и изъ нихъ варили себѣ хлебово. Скота не было, и начали ѣсть лошадиное мясо. Соли не было, и начали солить пищу порохомъ Масла не было, и стали класть въ ѣду сальныя свѣчи. Отъ всего этого въ войскѣ появились поносы. Мюратъ писалъ о своемъ бѣдственномъ положеніи Наполеону, а тотъ отвѣчалъ: „имѣя легкую кавалерію, можно всегда достать провіанта“. Это было словно насмѣшкою. Лошади въ кавалеріи Мюрата едва держались на ногахъ.

Ко всему стали наступать холода. Обычные осенніе заморозки, на которые наши не обратили бы и вниманія, были ужасны для легко одѣтыхъ и непривычныхъ французовъ.

По утрамъ замерзала вода.

Французы жгли все, что могли, но все же не согрѣвались. Они на ночь обкладывали себя соломой, которая къ утру промерзала. Эти холода приводили ихъ въ отчаянье. Всѣ думали о морозахъ, которые должны наступить вскорѣ.

Не лучше чуствовали себя и французы, находившіеся въ другихъ мѣстностяхъ Россіи.

Витгенштейнъ, отбивъ Сенъ-Сира, расположился, защищая дорогу въ Петербургъ, передъ Псковомъ. Сенъ-Сиръ ушелъ въ Полоцкъ, гдѣ и укрѣпился. Онъ требовалъ отъ Могдональда под-

крѣпленія въ 12,000, но тотъ предлагалъ ему только три части. Съ этими силами Сенъ-Сиръ не могъ выступить противъ нашихъ и сидѣлъ въ Полоцкѣ. Происходило совершенно то же, что съ Наполеономъ въ Москвѣ. Въ арміи Сенъ-Сира наступилъ голодъ, войско его таяло, — а Витгенштейнъ со своей арміей жилъ въ полномъ довольствѣ, и къ нему подходили безпрерывно подкрѣпленія.

Дальше, на югѣ, наша Дунайская армія подъ начальствомъ Чичагова пришла и соединилась съ арміей Тормасова, и они вдвоемъ совершенно очистили Волынь. 17-го сентября къ нимъ пріѣхалъ флигель-адъютантъ Чернышевъ, привезя обоимъ полководцамъ Высочайшіе рескрипты. Тормасову предписывалось немедля ѣхать къ Кутузову и принять командованіе 2-й арміей на мѣсто умершаго Багратіона; Чичагову принять командованіе общее, присоединивъ къ своей арміи армію Тормасова. Составленная такимъ образомъ 3-я армія имѣла 60,000 солдатъ.

Генералъ Тормасовъ.

Тормасовъ уѣхалъ, а Чичаговъ продолжалъ тѣснить французовъ и собирался итти на Березину къ Борисову. Витгенштейну предписано было выбить изъ Полоцка Сенъ-Сира и итти къ Березинѣ на Докшицы, гдѣ соединиться съ Чичаговымъ.

Если посмотрѣть на карту, то сразу будетъ видно, что арміи Чичагова и Витгенштейна стѣною преграждали выходъ Наполеона изъ Россіи.

Наполеонъ узналъ объ этихъ движеніяхъ и понялъ ихъ страшное значеніе.

Наступалъ конецъ сентября. Попытки заключить миръ съ Александромъ оказались неудачными, и въ этомъ отношеніи На-

Битва при Полоцкѣ 6-го октября 1812 г.

полеонъ потерялъ всякую надежду. Оставалось одно: отступить. И онъ сталъ готовиться къ отступленію съ 1-го октября, отдавъ приказы всѣмъ отрядамъ, стоявшимъ около Москвы, соединиться въ Москвѣ. Тотчасъ начали снаряжать обозы и прежде всего торопились уложить все награбленное, то, что Наполеонъ гордо называлъ трофеями. Помимо золота и серебра, онъ взялъ изъ Оружейной палаты старинные доспѣхи, сорвалъ деревянный Московскій гербъ съ крыши сената и снялъ съ Ивана Великаго крестъ, думая, что онъ золотой. Ни одной самой мелкой вещи изъ этой добычи не довелось довезти ему до Франціи. Все погибло или въ пути, или на днѣ Березины.

Адмиралъ Чичаговъ.

Обозы были собраны. Явился вопросъ: по какой дорогѣ и куда итти? Положимъ, путь у него былъ одинъ: на Смоленскъ, гдѣ онъ ожидалъ найти запасы, и откуда ему былъ обезпеченъ дальнѣйшій путь, такъ какъ въ Оршѣ стоялъ корпусъ Виктора, чтобы встрѣтить и охранить армію. Но какой дорогой? старая, по которой онъ шелъ въ Москву, была разорена во всѣ стороны и, идя по ней, нельзя было надѣяться даже на клокъ сѣна. Послѣ долгаго раздумья онъ рѣшилъ итти на Боровскъ, Мало-Ярославецъ и Калугу, а оттуда уже на Смоленскъ, т. е. по новому пути. Оставался еще одинъ вопросъ: какъ объяснить Парижу, гдѣ слѣдятъ за его побѣдами, это отступленіе? И онъ придумалъ. Москва показалась ему неудобной позиціей. Онъ рѣшилъ перезимовать въ окрестностяхъ Смоленска, Могилева, Минска и Витебска, а весною двинуться сразу на Петербургъ и Кіевъ!..

Успокоенный и довольный, онъ велѣлъ выступать обозамъ, которые и тронулись изъ Москвы 3-го, 4-го и 5-го октября, подъ прикрытіемъ дивизіи Клапареда и кавалеріи Нансути. Въ то же время корпусы, стоявшіе въ окрестностяхъ, стали втягиваться въ Москву. Наполеонъ дѣлалъ имъ смотры. У нихъ подъ мундирами не было рубахъ и на ногахъ сапогъ, но у каждаго были узлы съ награбленнымъ добромъ.

6-го октября Наполеонъ выстроилъ войска и хотѣлъ сказать имъ рѣчь, какъ вдругъ примчался адъютантъ Мюрата съ извѣстіемъ, что Кутузовъ напалъ на авангардъ и гонитъ его.

Наполеонъ, не произнося своей рѣчи, велѣлъ тотчасъ выступать войскамъ, и самъ тронулся за ними на другой день, оставивъ въ Москвѣ маршала Мортье.

Сообщеніе было совершенно вѣрно. Авангардъ Мюрата былъ расположенъ такъ, что все его лѣвое крыло было на открытой мѣстности и совершенно незащищено. За нимъ находился рѣдкій лѣсъ, который Мюратъ по безпечности совершенно не охранялъ. И вотъ наши казаки и крестьяне замѣтили, что съ этой стороны можно совершенно свободно подходить къ лагерю враговъ. Объ этомъ узналъ Платовъ и донесъ генералу Бенигсену. Бенигсенъ тотчасъ вознамѣрился совершить нападеніе на Мюрата и сдѣлалъ докладъ Кутузову. Солдаты уже начинали томиться бездѣйствіемъ, имъ уже хотѣлось боя. Кутузовъ видѣлъ, что планъ Бенигсена удаченъ, и далъ свое согласіе, назначивъ Бенигсена командующимъ и довѣривъ ему войско. Онъ долженъ былъ обойти Мюрата съ лѣваго фланга и ударить на него внезапно; вся же армія дожна была дѣйствовать на него съ фронта.

Нападеніе было назначено на утро 6-го октября.

Мюратъ былъ бы разбитъ и даже захваченъ въ плѣнъ, если бы всѣ отдѣльныя части пришли на свои мѣста во время и дѣйствовали бы дружнѣе. Но этого не случилось. Мюратъ, достаточно поколоченный, успѣлъ выстроить войско и отступить къ Москвѣ, но все же побѣда наша въ этомъ дѣлѣ была несомнѣнна.

Это было первое настоящее пораженіе французовъ въ битвѣ при Тарутинѣ 6-го октября.

Мы забрали 38 орудій, одно знамя, 40 зарядныхъ ящиковъ, 1,500 плѣнными и весь обозъ, въ которомъ находилось все граб-

Выступленіе Наполеона изъ Москвы 8-го октября 1812 г.

ленное Въ Москвѣ. Войдя въ лагерь, наши увидѣли весь размѣръ бѣдствій, пережитыхъ французами. Вокругъ бивуачныхъ огней валялись трупы лошадей, убитыхъ для пищи, наполовину объѣденныя и ободранныя кошки. На потухшихъ кострахъ стояли котлы съ конскимъ отваромъ, а кругомъ, словно на смѣхъ, были разбросаны конфекты, изюмъ, мармеладъ, банки съ вареньемъ. Больные и умирающіе лежали безъ всякаго призора на холодной землѣ. Среди нихъ находились женщины и дѣти. Вокругъ шалашей были разбросаны иконы, которыя французы употребляли вмѣсто дровъ.

Кутузовъ не велѣлъ преслѣдовать непріятеля, предвидя въ близкомъ будущемъ ожесточенныя битвы съ Наполеономъ, а потому жалѣя свою армію.

Наши вернулись въ Тарутино, гордые и радостные побѣдой. Гремѣло „ура", раздавалась музыка.

Эта побѣда не была значительна, но она явилась залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ, возбудила духъ войска, одушевила всѣхъ.

За время кампаніи это былъ первый настоящій праздникъ нашего оружія и, кромѣ того, всѣ увидѣли, что сбывается обѣщаніе Кутузова, и французы „уже начали ѣсть конину".

Съ этого момента наступила перемѣна счастья. Русское оружіе одерживаетъ побѣды, французы терпятъ пораженія. Звѣзда Наполеона блѣднѣетъ и быстро катится внизъ; звѣзда Александра, стоящаго во главѣ своего народа, поднимается все выше и выше и, наконецъ, озаряетъ всю Европу своимъ блескомъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Послѣдняя месть враговъ и оставленіе Москвы.

Армія Наполеона оставляла Москву 6-го октября. Трудно было назвать арміей безпорядочное войско, въ которомъ уже не было дисциплины. Только гвардія Наполеона держала себя съ достоинствомъ; остальныя войска представляли собою какую-то орду.

Большинство было безъ сапогъ. У многихъ вмѣсто мундировъ

были гороховаго цвѣта сюртуки или кацавейки на ватѣ, но у каждаго былъ набитъ награбленнымъ добромъ ранецъ и имѣлся узелъ, который онъ тащилъ съ собою.

Вмѣстѣ съ уходящей арміей оказалось множество женщинъ и дѣтей, преимущественно иностранцевъ, приставшихъ къ „побѣдительнымъ войскамъ". Теперь дѣваться имъ было некуда. Всѣ офицеры и даже многіе изъ солдатъ лично для себя и для награбленнаго имущества забрали экипажи, и слѣдомъ за арміей на 30 верстъ разстоянія тянулись кареты, коляски, дрожки, брички, числомъ до 10,000, въ которыхъ кучами лежало награбленное, и важно сидѣли женщины или офицеры и даже солдаты, которые уже не боялись начальниковъ. Самъ Наполеонъ выѣхалъ изъ Москвы 7-го сентября по утру и былъ у заставы затертъ экипажами. Съ грустью онъ смотрѣлъ на свою армію и „непобѣдимые орлы" на его знаменахъ, казалось, склоняли свои головы.

И было отчего. Наполеонъ вошелъ въ Москву съ 110,000 войска. Со времени 2-го сентября до его выступленія къ нему пришло еще около 25,000 человѣкъ отставшихъ, выздоровѣвшихъ отъ ранъ, и отдѣльныхъ отрядовъ.

Всего, значитъ, 130,000 человѣкъ, а выходилъ онъ, уводя съ собою 105,000, изъ которыхъ многіе были больны и всѣ голодны. Сказать иначе, за время отъ 2-го сентября до 6-го октября онъ потерялъ 30,000, т. е. почти по 1,000 человѣкъ въ день!

Было отчего его орламъ повѣсить головы...

Уходя Наполеонъ оставилъ въ Москвѣ маршала Мортье съ страшнымъ приказаніемъ—при его отступленіи взорвать Кремль и поджечь все, что еще не сожжено.

Мортье остался въ Кремлѣ.

Москва опустѣла, и въ ней воцарилось гробовое молчаніе; только изъ нѣкоторыхъ домовъ раздавались стоны больныхъ и умирающихъ, которыхъ французы бросили на произволъ судьбы.

8-го октября къ Москвѣ изъ Черной Грязи приблизился отрядъ Винцегероде. Здѣсь, у Петровскаго дворца онъ встрѣтилъ отрядъ французовъ. Казаки напали на него, сбили, опрокинули, забрали 400 плѣнныхъ и гнали его до самаго Кремля.

И вдругъ отъ плѣнныхъ Винцегероде узналъ о страшномъ

замыслѣ французовъ взорвать Кремль. Кровь закипѣла у него въ жилахъ. Онъ не могъ допустить такого святотатства и тотчасъ, захвативъ съ собою адъютанта Нарышкина, поскакалъ прямо въ Москву, въ Кремль, къ Мортье. На пути онъ вспомнилъ, что они забыли захватить съ собою трубача, но возвращаться было поздно: ихъ уже увидѣли и они сдѣлали изъ платковъ парламенторскіе флаги. Несмотря на это, Мортье, вмѣсто переговоровъ, арестовалъ ихъ и объявилъ своими плѣнными.

8-го октября, когда французская армія уже повернула на Фоминское, Наполеонъ изъ Троицкаго приказалъ Мортье оставить Москву. Въ 6 час. вечера молодая гвардія и войско, составлявшее гарнизонъ Кремля, тронулись черезъ Калужскую заставу, уводя плѣнными Винцегороде и Нарышкина. Въ два часа пополуночи, когда выходили послѣдніе солдаты, вдругъ грянула пушка, и слѣдомъ за выстрѣломъ раздался такой грохотъ, что казалось падаетъ небо и трескается земля. Другъ за другомъ послѣдовало пять страшныхъ взрывовъ; небо окрасилось заревомъ пожара, въ воздухъ полетѣли обломки стѣнъ и башенъ священнаго Кремля. Начался пожаръ. Горѣлъ дворецъ. Слѣдомъ за нимъ вспыхнули огни другихъ пожаровъ, и Москва запылала снова.

Наполеонъ уходя желалъ бы срыть ее до основанія.

Долго ждалъ своего начальника отрядъ, стоявшій въ Чашникахъ, у самой Москвы. Наконецъ, не дождавшись, генералъ Иловайскій 4-ый принялъ командованіе и первый со своимъ отрядомъ вошелъ въ покинутую и разоренную Москву 11-го октября.

Пожары догорали. Кремль былъ взорванъ въ пяти мѣстахъ, и еще во многихъ подкопахъ нашли бочки съ порохомъ. Наполеонъ хотѣлъ взорвать весь Кремль, но минеры не успѣли поджечь всѣхъ минъ, опасаясь стать жертвами взрыва, и кромѣ того нѣсколько изъ фителей погасло благодаря лившемуся дождю. Не успѣли французы и поджечь всѣхъ зданій, обреченныхъ пожару. Послѣ ихъ ухода многія зданья оказались наполненными горючими и взрывчатыми веществами, но остались невредимы.

Свершилось чудо. Не сгорѣлъ ни одинъ храмъ, хотя всѣ были осквернены непріятелемъ.

Въ Кремлѣ всѣ церкви были ободраны отъ куполовъ до самаго низа; въ алтарѣ Казанскаго собора нашли дохлую лошадь;

въ Архангельскомъ соборѣ нашли бочки съ разлитымъ по церкви виномъ. Всѣ церкви были обращены въ казармы, загажены и осквернены. Нигдѣ не осталось ни кусочка серебра или золота. Въ Успенскомъ соборѣ стояли горны, въ которыхъ переплавлялись ризы съ иконъ; вмѣсто дорогаго серебряннаго паникадила спускались вѣсы, и на царскомъ мѣстѣ нашли грубой рукой сдѣланную мѣломъ запись: „325 пудовъ серебра, 18 пудовъ золота". Мощи святыхъ были вынуты изъ ракъ. Въ домахъ и лазаретахъ лежали больные и умирающіе вперемежку съ трупами. Трупы валялись и на улицахъ, и на дворахъ, и въ домахъ. Они гнили и наполняли смрадомъ воздухъ. Назначенный полицмейстеромъ генералъ Бенкендорфъ тотчасъ занялся очисткой города. Пожары дымились еще два дня и, наконецъ, замерли. Оставшіеся жители послѣ пережитыхъ ужасовъ, вылѣзли изъ своихъ убѣжищъ. Изъ окрестныхъ деревень пріѣхали крестьяне съ возами провизіи, и на площади тотчасъ начался торгъ.

На третій день, т. е. 14-го сентября, разыскали все необходимое для совершенія литургіи, и въ 9 час. утра въ первый разъ послѣ долгаго молчанія ударилъ большой колоколъ въ Страстномъ монастырѣ.

Все живущее въ Москвѣ наполнило храмъ и не было болѣе умилительной, трогательной службы, чѣмъ въ этотъ день. Плакали всѣ. Казалось чудомъ возвращеніе Москвы и казались давно пережитыми и ужасъ, и униженіе.

Наполеонъ за короткое время пребыванія въ Москвѣ оставилъ по себѣ память. Въ Москвѣ до его прихода считалось всѣхъ зданій 9.257. Послѣ его ухода оказалось сгорѣвшими 6.496. Потери имуществомъ и деньгами у частныхъ лицъ опредѣлились въ 271 милліонъ рублей. Потери казны — по дѣламъ комитета министровъ въ 278.969.289 руб., по дѣламъ государственнаго казначейства 280.009.507 рублей.

Числа эти легко записать, труднѣе выговорить, но почти невозможно представить себѣ такого количества денегъ.

Между тѣмъ, объ этомъ великомъ событіи, не зналъ еще никто изъ нашей арміи. Въ это время самъ Кутузовъ уже собирался итти изъ Тарутина, слѣдя за движеньями Наполеона, но онъ не подозрѣвалъ еще, что Москва совершенно оставлена французами.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Отступленіе великой арміи.

Выходя изъ Москвы, Наполеонъ былъ занятъ одною мыслію: дойти до Смоленска новою дорогой, по которой армія его находила-бы себѣ продовольствіе. Добравшись до Смоленска, онъ думалъ найти въ немъ громадные запасы и остановиться съ арміей на зимовку. Вся задача была выйти на Новую Калужскую дорогу, а для этого надо было незамѣтно пройти мимо Кутузова. Выйдя изъ Москвы и остановившись въ Троицкомъ, Наполеонъ не зналъ хорошо: находится Кутузовъ въ Тарутинѣ или вышелъ изъ него.

И вотъ для этого онъ приказывалъ секретарю Бертье написать и послать письмо къ Кутузову съ запросомъ, что отвѣтилъ Александръ на предложенія о мирѣ, переданныя Лористономъ.

Письмо это онъ помѣтилъ Москвою. Кутузовъ отвѣтилъ, что не получилъ еще отвѣта отъ Государя, и Наполеонъ узналъ, что армія еще въ Тарутинѣ. Онъ быстро оставилъ Троицкое и приказалъ войскамъ двигаться на Фоминское, а оттуда на Боровскъ, что-бы слѣдовать на Малый Ярославецъ и черезъ него на Калугу.

На этомъ пути стоялъ съ своимъ отрядомъ одинъ Дороховъ. Онъ увидѣлъ тучи непріятелей, двигающихся на Фоминское, и отступивъ тотчасъ донесъ объ этомъ Кутузову. Кутузовъ не повѣрилъ, что бы это была вся армія, и послалъ къ Дорохову генерала Дохтурова съ его корпусомъ, съ дивизіей кавалеріи, частью тульской дружины и отрядами партизановъ Сеславина и Фигнера.

Сеславинъ ушелъ на поиски и вскорѣ привелъ съ собою плѣнныхъ гвардейцевъ, захваченныхъ имъ у самаго Фоминскаго. Это произошло 10-го октября въ половинѣ 9-го вечеромъ. Дохтуровъ сталъ распрашивать гвардейцевъ и вдругъ услыхалъ, что еще 6-го вся армія Наполеона оставила Москву и они спѣшно движутся на Калугу.

Дохтуровъ немедля послалъ съ этимъ донесеніемъ дежурнаго офицера Болговского.

Важность сообщенія была громадна. Почти въ это же время Дороховъ извѣстилъ Дохтурова, что французы заняли Боровскъ.

Наполеонъ успѣлъ обмануть Кутузова, находился впереди и могъ уйти отъ преслѣдованья.

Болговской взялъ подставныхъ коней и вихремъ помчался въ Тарутино. Въ лагерѣ всѣ спали. Болговской разбудилъ Коновницына. Когда тотъ узналъ объ оставленіи Наполеономъ Москвы, сонъ мгновенно соскочилъ съ него. Захвативъ полковника Толя, онъ отправился въ избу къ Кутузову, ведя съ собою Болговского. Кутузовъ тотчасъ проснулся и позвалъ Болговского. Тотъ вошелъ. Кутузовъ сидѣлъ на постели въ сюртукѣ, такъ какъ во время войны спалъ не раздѣваясь, и заговорилъ съ радостнымъ лицомъ:

Генералъ Дохтуровъ.

— Скажи, другъ мой, что такое за событіе, о которомъ привезъ ты мнѣ вѣсть? Неужели воистину Наполеонъ оставилъ Москву и отступаетъ? Говори скорѣй, не томи сердца, оно дрожитъ.

Болговской донесъ подробно обо всемъ, что случилось.

Кутузовъ заплакалъ и, обратясь къ образу Спасителя, сказалъ:

— Боже, Создатель мой! наконецъ, Ты внялъ молитвѣ нашей, и съ сей минуты Россія спасена!

Торжествомъ побѣды освѣтилось лицо великаго старца.

Онъ всталъ и тотчасъ началъ отдавать приказанія о выступленіи всей арміи.

Планъ Наполеона онъ уже понялъ. Наполеонъ успѣлъ пройти до Боровска, теперь нужно загородить ему путь въ Мало-Ярославецъ.

Выступленіе всей арміи нѣсколько задержалось, но послѣ полудня 11-го октября Тарутинскій лагерь уже опустѣлъ.

Въ 1834 году крестьяне села Тарутина, отпущенные на волю своимъ господиномъ графомъ Румянцевымъ, поставили и освятили въ своемъ селѣ памятникъ съ надписью:

„На семъ мѣстѣ россійское воинство, предводительствуемое фельдмаршаломъ Кутузовымъ, укрѣпясь, спасло Россію и Европу".

Крошечный уѣздный городокъ Калужской губерніи, расположенный на берегу рѣки Лужи, сталъ мѣстомъ небывалаго по ярости боя, центромъ, на которомъ сосредоточились помыслы непріятелей и наши.

Ближе всѣхъ къ Мало-Ярославцу стоялъ Дохтуровъ, но французамъ изъ Боровска было еще ближе и, кромѣ того, они шли большой дорогой. Дохтуровъ получилъ приказаніе итти на Малый Ярославецъ утромъ 11-го и тотчасъ двинулся въ путь, но на его пути случилась опять задержка.

Крестьяне села Спасскаго, узнавъ, что непріятель двинулся изъ Боровска, сломали на рѣчкѣ Протвѣ плотины. Рѣчка обратилась въ глубокую рѣку. Надо было строить мосты.

Восемь часовъ строили мосты, послѣ чего Дохтуровъ бросился къ Малому Ярославцу, шелъ всю ночь и за часъ до разсвѣта 12-го октября прибылъ къ мѣсту, гдѣ стояли уже казаки Платова. Но непріятель обогналъ его и корпусъ вице-короля шедшій въ авангардѣ, уже занялъ городъ.

Наполеонъ сдѣлалъ ошибку.

Если бы онъ ускорилъ свой маршъ и былъ бы утромъ 12-го въ Маломъ Ярославцѣ, онъ прошелъ бы на Калужскую дорогу, но онъ нарочно подвигался медленно, боясь, что Кутузовъ появится у Боровска.

Дохтуровъ, давъ отдохнуть войскамъ, въ 5 часовъ утра послалъ егерей выбивать непріятеля изъ города. Завязался бой. Силы французовъ все увеличивались отъ прибывающихъ войскъ.

Крошечный городъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Къ мѣсту боя подоспѣлъ и самъ Наполеонъ. Онъ понялъ теперь, что для него Мало-Ярославецъ является дверью спасенья. Бой кипѣлъ съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ на улицахъ города и вокругъ него. Улицы были завалены трупами. Наполеонъ усиливалъ нападеніе, вводя новыя части, когда вдругъ увидѣлъ блеснувшіе въ утреннихъ лучахъ ружейные стволы. То подходила вся армія Куту-

Битва при Маломъ-Ярославцѣ 12-го октября 1812 года.

зова. Наполеонъ понялъ, что теперь обманутъ онъ. Въ то время, когда онъ ждалъ Кутузова отъ Боровска, Кутузовъ прямымъ путемъ, пересѣкая путь Наполеону, двинулся къ Мало-Ярославцу.

За 5 верстъ до города Кутузовъ остановился и далъ роздыхъ войску. Одинъ Раевскій продолжалъ путь и скоро присоединился къ Дохтурову, но его помощь была ничтожна. Подошелъ Милорадовичъ, успѣвъ пройти въ одинъ день слишкомъ 50 верстъ. Бой кипѣлъ. Кутузовъ выѣхалъ на позиціи и долго осматривалъ мѣстность, стоя подъ пулями. Отъ этого боя зависѣлъ весь исходъ Отечественной войны. Наступилъ вечеръ. Французы удержали за собой Мало-Ярославецъ, но армія наша все же преградила имъ путь. Кутузовъ позвалъ Коновницына и сказалъ ему: „ты знаешь, какъ я берегу тебя и всегда прошу не кидаться въ огонь; но теперь умоляю: очисти городъ“.

И Коновницынъ повелъ за собою солдатъ. Ничего яростнѣе этого боя нельзя себѣ представить. Сражались у каждаго дома, среди груды труповъ, въ заревѣ пожара, въ вечерней мглѣ. Ночь прекратила сраженіе. Съ нашей стороны и со стороны французовъ выбыло изъ строя по 5 тысячъ человѣкъ. Половина города осталась за нами, половина въ рукахъ французовъ. Въ этомъ бою былъ раненъ Дороховъ пулею въ пятку и отъ этой раны умеръ черезъ два года.

Поздно вечеромъ Наполеонъ съ гвардіей возвратился въ Городню въ 10-ти верстахъ отъ Мало-Ярославца по Боровской дорогѣ. Въ первый разъ отчаянье овладѣло имъ. Кутузовъ стоялъ у Мало-Ярославца, и Наполеонъ понималъ, что теперь онъ не посторонится и готовъ принять сраженіе.

Въ ночь съ 12-го на 13-е Платовъ отрядилъ три сильныхъ отряда на другой берегъ Лужи. Они тихо переплавились и часу въ 4-мъ ночи увидѣли двигающіеся артиллерію и обозы. Сойдясь вмѣстѣ, они рѣшили аттаковать пушки и съ гикомъ полетѣли въ аттаку. Французскіе артиллеристы бросились въ стороны, оставивъ 50 орудій. Часть казаковъ остановилась и начала поворачивать пушки, а другая понеслась дальше и налетѣла на французскій кавалерійскій взводъ, среди котораго случайно находился самъ Наполеонъ.

Онъ выѣхалъ къ Мало-Ярославцу, чтобы осмотрѣть позиціи. Захватить его въ плѣнъ было очень легко, но въ этотъ моментъ, грабившіе обозъ казаки увидѣли боченки съ золотомъ и закричали. Всѣ казаки бросились къ боченкамъ и начали грабежъ. Наполеонъ спасся.

Казаки вернулись съ богатой добычею.

Наполеонъ осмотрѣлъ позиціи, но не дѣлалъ распоряженія о боѣ. Кутузовъ ждалъ его, но Наполеонъ приказалъ отступать, и его войска пришли въ движеніе, отходя отъ Мало-Ярославца.

Это была уже настоящая побѣда русскаго оружія. Задача Кутузова состояла теперь въ томъ, чтобы отбросить Наполеона на старую Смоленскую дорогу.

Онъ поспѣшилъ выслать передовые отряды къ Медыни, чтобы заслонить тамъ выходъ Наполеона.

Наполеонъ отошелъ къ Вереѣ, 15-го переночевалъ въ ней и, оставивъ Можайскъ справа, двинулся по старой дорогѣ. 17-го онъ проѣзжалъ черезъ Бородинское поле.

Со времени боя прошло почти два мѣсяца, но не было людей хоронить трупы и они лежали, разбросанные по всему полю, издавая невыносимый смрадъ. Во многихъ мѣстахъ бѣлѣли уже груды костей. Стаи вороновъ носились надъ полемъ. Съ разбросаннымъ оружіемъ, разбитыми ящиками, фурами, пушками, съ окровавленными одеждами это поле представляло ужасное зрѣлище.

Наполеонъ торопливо проѣхалъ мимо.

У него была одна забота: скорѣе отдохнуть; одна цѣль: скорѣе дойти до Смоленска. Онъ взялъ движеніе на Вязьму.

19-го Октября Кутузовъ двинулъ туда же свою армію, выславъ впереди себя Милорадовича и Платова съ казаками.

Наступало время возмездія.

Французы знали теперь только одни пораженія. Наполеонъ съ гвардіей поспѣшно подвигался къ Вязьмѣ. Онъ ѣхалъ въ каретѣ, одѣтый въ зеленую бархатную шубу, мѣховую шапку и теплые сапоги. Далеко за нимъ растянулась его „великая армія“. Позади всѣхъ двигался Даву, а слѣдомъ за нимъ шелъ нашъ Платовъ со своими казаками, какъ раньше Мюратъ за нашими войсками.

Сраженіе при Клоцкомъ монастырѣ 19-го октября 1812 года.

19-го Платовъ настигъ Даву у Клоцкаго монастыря и напалъ на него. Онъ разсѣялъ два батальона и взялъ два знамени. Даву отступая бросилъ 27 орудій.

Платовъ шелъ за французской арміей и на каждомъ шагу видѣлъ ея растройство.

На всемъ пути попадались отсталые, безоружные или больные солдаты, валялись брошеные ящики, фургоны, преданые огню обозы. Отъ Можайска до Клоцкаго монастыря казаки насчитали болѣе 500 лошадиныхъ труповъ. Конница уже не показывалась. Войска едва тащились, а Наполеонъ, обгоняя свою армію, почти летѣлъ къ Вязьмѣ. Уже становилось холодно. Ночевки обращались для французовъ, а особенно для итальянцевъ и португальцевъ, въ пытки. Топлива не было, и они кутались въ ризы, въ салопы, въ кацавейки. Провіантъ, захваченный съ собою, былъ съѣденъ; доставать его было негдѣ.

Едва солдаты отходили отъ своихъ частей, какъ попадали въ руки казаковъ, партизановъ или, что хуже всего, крестьянъ. Начался голодъ, болѣзни и смерть. По всему пути попадались трупы объѣденныхъ лошадей, на дорогѣ лежали больные и умирающіе, цѣлые отряды отдавались нашимъ, лишь бы быть накормленными и согрѣтыми. Позади арміи образовались толпы безоружныхъ. Командиры частей, чувствуя гибель, приказывали срывать знамена съ древка и прятали ихъ у себя на груди.

Вотъ причина, почему въ эту войну нами было взято такъ мало знаменъ. Они погибли на своихъ знаменосцахъ или на офицерахъ полковъ.

20-го октября Наполеонъ прибылъ въ Вязьму, далъ отдохнуть гвардіи одинъ день и 21-го поспѣщно устремился къ Смоленску.

Въ это время въ Вязьму стали входить остальныя части французской арміи: корпусъ Нея, за нимъ вице-короля, Понятовскаго и Даву.

Милорадовичъ увидѣлъ непріятеля и рѣшилъ его аттаковать. 22-го произошла знаменитая битва у Вязьмы и въ самой Вязьмѣ, которая окончилась бы разгромомъ французской арміи, если бы успѣлъ подойти Кутузовъ. Но Кутузовъ задержался, въ точности

Сраженіе при Вязьмѣ 22-го октября 1812 года.

не зная времени боя, такъ какъ получилъ ложныя донесенія отъ казачьихъ разъѣздовъ.

Наши полки входили въ Вязьму съ музыкой и барабаннымъ боемъ и бились на улицахъ и въ домахъ, выбивая изъ города французовъ. Начавшееся на разсвѣтѣ сраженіе окончилось къ 7 час. вечера. Французы отступили въ разстройствѣ. Они оставили подъ Вязьмой 4,000 убитыми, 2,000 плѣнными, 2 знамя и весь обозъ.

Вязьма была разорена и сожжена.

Разстроенная армія бросилась къ Смоленску.

Милорадовичъ двигался за нею по пятамъ. Съ правой стороны ее тѣснилъ Платовъ, съ лѣвой Оловъ-Денисовъ, спереди забѣгали партизаны, и со всѣхъ сторонъ ихъ подстерегали озлобленные крестьяне.

Партизанъ Сеславинъ.

26-го Милорадовичъ напалъ на французовъ при переправѣ ихъ черезъ рѣчку Осму. Французы бросились въ бѣгство, сбрасывали орудія въ воду и, толкая другъ друга, падали въ рѣку и тонули.

Въ этотъ же день Милорадовичъ занялъ Дорогобужъ, тоже сожженный французами.

А Наполеонъ стремился впередъ къ Смоленску.

Все время погода была мягкая, но теперь вдругъ поднялась мятель, хлопьями повалилъ снѣгъ, а 27-го октября уже было 10 градусовъ мороза.

Въ мѣстечкѣ Ляховѣ партизаны Сеславинъ, Фигнеръ и Давыдовъ, пригласивъ на помощь Орлова-Денисова, напали на двухъ-тысячный отрядъ Ожеро и принудили его сдаться.

Наполеонъ послалъ корпусъ вице-короля на Витебскъ въ помощь Сенъ-Сиру, и этотъ корпусъ почти весь погибъ.

26-го онъ подошелъ къ рѣкѣ Вопи, по которой шелъ ледъ, 27-го и 28-го онъ наводилъ мосты, но мосты снесло половодьемъ, а тутъ подоспѣлъ и напалъ на него Платовъ. Вице-король, бросивъ обозъ и артилерію, приказалъ спасаться вплавь и въ бродъ. Люди гибли сотнями. На ихъ бѣду противоположный берегъ былъ крутой. Скаты его обледенѣли и измученные переправой и холодомъ люди съ трудомъ вползали на верхъ, скатывались и тонули. Тѣ, которые добирались до верха, въ изнеможеніи падали на снѣгъ, гдѣ и замерзали.

Партизанъ Фигнеръ.

Платовъ забралъ весь обозъ.

Вице-король, уже не слушая Наполеона, не пошелъ на Витебскъ, а съ жалкими остатками своего корпуса устремился къ тому-же Смоленску.

Между тѣмъ, Витгенштейнъ уже перешелъ въ наступленіе. Онъ выбилъ Сенъ-Сира изъ Полоцка и тѣснилъ его, стремясь на соединеніе съ Чичаговымъ.

29-го октября Наполеонъ съ гвардіей добрался до Смоленска. Вотъ, гдѣ онъ отдохнетъ и соберется съ силами! Но какова была его ярость, когда оказалось, что запасовъ, сдѣланныхъ въ Смоленскѣ, едва хватило, что бы накормить его гвардію, что зимнихъ квартиръ не было въ разоренномъ городѣ, что не было даже топлива.

Трудно было собрать запасы, когда все окрестное населеніе препятствовало французскимъ фуражирамъ дѣлать поиски и ничего не продавало за деньги. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ приказалъ растрѣлять главнаго интенданта.

Раздача провіанта была невыполнима. Солдаты просто набросились на магазины и въ одинъ день разграбили всѣ запасы.

Войско находилось въ ужасномъ состояніи, и въ этотъ же

Картина, изображающая одну изъ сценъ при отступленiи французовъ.

роковой день Наполеонъ получилъ донесенія о взятіи въ плѣнъ въ Ляховѣ Ожеро, о взятіи Полоцка, о наступленіи Витгенштейна и, наконецъ, о пораженіи вице-короля на р. Вопи.

Рядомъ съ этимъ мечта о зимовкѣ въ Смоленскѣ рушилась сама собою.

Онъ получилъ свѣдѣнья о движеніяхъ армій Чичагова и Витгенштейна и понялъ, что они отрѣжутъ ему выходъ изъ Россіи, а армія Кутузова докончитъ его пораженіе.

Надо было спасаться Спасеніе всей арміи зависѣло только отъ скорости, и онъ рѣшилъ немедля выступить изъ Смоленска, но все же ему пришлось пробыть въ немъ три дня.

За это время онъ привелъ находящееся при немъ войско въ кое-какой порядокъ и вышелъ изъ Смоленска 2-го ноября, сопровождаемый воплями и стонами больныхъ, раненыхъ, умирающихъ отъ голода, которыхъ онъ бросилъ на произволъ судьбы.

Всѣ части арміи, слѣдуя за Наполеономъ, мечтали о Смоленскѣ, какъ о мѣстѣ, гдѣ они обогрѣются, поѣдятъ и отдохнутъ. 1-го ноября они стали входить въ Смоленскъ. Забывая все пережитое, они кричали отъ радости и толпами рвались въ ворота, давя и калѣча другъ друга.

Вотъ награда ихъ трудовъ и лишеній! вотъ, гдѣ они отдохнутъ! и поѣдятъ до сыта!

И, ворвавшись въ городъ, они толпами бросились къ магазинамъ, а слѣдомъ за этимъ тотчасъ раздались крики отчаянья, боли и ярости.

Ихъ обманули! ни зерна хлѣба, ни горсти муки, ни золотника мяса, ни полѣна дровъ!..

Нѣтъ не только теплыхъ квартиръ, но и никакого жилья!

Отчаянье солдатъ и бѣдствіе арміи не поддаются никакому описанію. Городъ Смоленскъ 1-го и 2-го ноября казался адомъ.

Отъ самой Московской заставы до берега Днѣпра дорога была покрыта трупами людей и лошадей, а среди нихъ еще живые, но и умирающіе отъ истощенія, холода и болѣзни. Все предмѣстье отъ пожаровъ обратилось въ поле. Покрытое бѣлою пеленой снѣга оно пестрѣло отъ разбросаннаго оружія, взорванныхъ ящиковъ, поломанныхъ фургоновъ, киверовъ, панцырей, сабель, барабановъ, трубъ, пистолетовъ. То тамъ, то сямъ лежали трупы лошадей съ

выпущенными внутренностями, и въ нихъ скрывались живые люди, стараясь согрѣться!

Около жаркаго костра грѣлись люди, одѣтые въ салопы, въ ризы, въ ватныя юбки или завернутые въ теплыя одѣяла. То здѣсь, то тамъ шелъ смертельный бой между голодными изъ-за куска лошадинаго мяса. По дорогѣ у городской стѣны длинными рядами стояли кареты, коляски, дрожки, занимая почти 5 верстъ.

Эти несчастныя брошенныя войска уже были обречены на гибель. Имъ оставалось одно—немедля ни часа слѣдовать за Наполеономъ, и на другой день они потащились, эти остатки великой арміи, эти блѣдныя жалкія тѣни когда то побѣдоносныхъ войскъ.

Съ момента выступленія изъ Смоленска французы, съ Наполеономъ въ главѣ, уже не отступали отъ Москвы, а бѣжали изъ Россіи. Бѣжали въ ужасѣ, безпорядочно, погибая по дорогѣ отъ холода, голода и болѣзней.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Бѣгство великой арміи.

2-го ноября выступилъ Наполеонъ изъ Смоленска, направившись на Красный, и въ тотъ же Красный также 2-го ноября, выступилъ Кутузовъ изъ Щелканова. Онъ не зналъ навѣрное, куда пойдетъ Наполеонъ: на Оршу или Витебскъ, но былъ увѣренъ, что часть его войскъ не минуетъ Краснаго. Въ то же время онъ писалъ Витгенштейну, чтобы тотъ былъ готовъ встрѣтить Наполеона у Витебска.

Наполеонъ выступилъ, приказавъ одинъ за другимъ выступать на тотъ же Красный корпусамъ вице-короля, за нимъ Даву и, наконецъ, Нея, который долженъ былъ, оставляя Смоленскъ, сжечь все, чего нельзя увезти, и взорвать стѣны и башни, для чего еще во время пребыванія Наполеона во многихъ мѣстахъ были сдѣланы подкопы и заложены мины.

Затѣмъ онъ спѣшно двинулся въ путь.

Кутузовъ, выходя, выслалъ впереди себя неутомимаго Мило-

Разбитіе маршала Даву подъ Краснымъ 5-го ноября.

радовича, приказавъ ему вытти на дорогу въ Красный и отрѣзать путь, двигающемуся изъ Смоленска непріятелю.

3-го ноября въ 4 часа пополудни Милорадовичъ вышелъ на столбовую дорогу и вдругъ увидѣлъ передъ собою идущаго врага. Это былъ Наполеонъ со своей гвардіей. Онъ былъ совершенно пораженъ, увидѣвъ передъ собой не отрядъ казаковъ, а наши пѣхотныя и конныя войска. Милорадовичъ спѣшно уставилъ батареи, и сталъ стрѣлять, потомъ сдѣлалъ конную аттаку, и привелъ французовъ въ совершенное разстройство, но Наполеонъ все же успѣлъ пройти въ Красный, и только послѣднія колонны были отрѣзаны и охвачены нашими. Часть ихъ оборонялась и была перебита, часть разсѣялась въ бѣгствѣ, часть сдалась. Милорадовичъ захватилъ 6 пушекъ. Это былъ первый бой подъ Краснымъ. Наполеонъ остался въ Красномъ поджидать вице-короля, Даву и Нея.

Генералъ Кульневъ.

4-го Кутузовъ выступилъ къ Красному, а часа въ три казаки донесли, что „французъ валомъ повалилъ“. Это былъ корпусъ вице-короля, который уже былъ расколоченъ на р. Вопи и представлялъ толпу безоружныхъ солдатъ съ 17 пушками.

Несмотря на это, вице-король храбро рѣшилъ аттаковать войска Милорадовича, но бой былъ неравный, и корпусъ его былъ сразу разбитъ. Французы разсѣялись и, благодаря скоро наступившимъ сумеркамъ, успѣли вразбродъ окольными путями пробраться въ Красный, оставивъ всѣ свои 17 пушекъ, одно знамя и 1,500 плѣнныхъ. Это былъ второй бой подъ Краснымъ.

Очередь была за Даву. Кутузовъ расположился въ 5-ти верстахъ отъ Краснаго. Наполеонъ рѣшилъ сдѣлать нападеніе на него съ цѣлью, чтобы отвлечь съ дороги Милорадовича и дать

пройти корпусамъ Даву и Нея. 5-го числа показался на дорогѣ Даву. Наполеонъ вышелъ изъ Краснаго и началъ дѣло, но это не помѣшало Милорадовичу установить батареи и преградить путь Даву. Даву почти бѣжалъ, стремясь къ Красному на соединеніе съ Наполеономъ. Нѣкоторыя его колонны бросались съ дороги въ лѣсъ, вязли въ сугробахъ снѣга и пробирались обходомъ въ Красный. Милорадовичъ выпустилъ конницу и началъ гнать Даву съ тыла. Наполеонъ для отвлеченія послалъ каре лучшихъ своихъ солдатъ, волтижерскій полкъ, но полкъ былъ разстроенъ картечью, а потомъ смятъ и изрубленъ кирасирами. Милорадовичъ взялъ знамя, 1,000 плѣнныхъ и 13 орудій, но Даву успѣлъ проскользнуть въ Красный. Тогда Наполеонъ, не дожидаясь уже Нея, началъ отступленіе. За нимъ погнался полковникъ Никитинъ. Отступленіе обратилось въ бѣгство. Приказавъ Даву распоряжаться въ Красномъ, Наполеонъ черезъ Доброе устремился въ Ляды.

Партизанъ Давыдовъ.

Наши ворвались въ Красный.

Битва закипѣла на мостахъ, улицахъ, въ домахъ. Французы бѣжали. Милорадовичъ въ этотъ день взялъ еще до 7,000 плѣнныхъ и 28 орудій.

Бой окончился. Командующій второй арміей Тормасовъ пришелъ къ мѣсту боя и расположился фронтомъ къ Оршѣ. Милорадовичъ сталъ лицомъ къ Смоленску, ожидая прихода послѣдняго корпуса Нея. Кутузовъ расположился въ Добромъ, а Наполеонъ въ это время собиралъ свои разбитые полки въ Лядахъ.

Ночью къ нашимъ бивуакамъ подходили толпы оборванныхъ

Сраженіе подъ Краснымъ 5-го ноября 1812 г.

французскихъ солдатъ и сдавались въ плѣнъ. Такъ, между прочимъ, сдался отрядъ въ 1,000 чел. съ 3 орудіями.

Бѣгствомъ изъ Краснаго Наполеонъ предавалъ на жертву корпусъ Нея. Онъ оставался въ Смоленскѣ до 4-го ноября. Платовъ съ казаками уже занялъ петербургское предмѣстье города, но узнавъ, что Ней собирается въ путь, оставилъ у Смоленска одинъ полкъ съ маіоромъ Горихвостовымъ, а самъ пошелъ на Оршу.

Въ полночь на 5-е ноября Ней тронулся изъ Смоленска. Ночь была ясная и морозная. Когда послѣдніе солдаты выходили за заставу, городъ вдругъ загорѣлся въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Зарево пожара разливалось кругомъ и освѣщало высоты противоположнаго берега. Въ половинѣ второго ночи загремѣли взрывы подложеннныхъ минъ, полетѣли на воздухъ камни, раздались взрывы раскиданныхъ бомбъ и гранатъ, и вспыхнули новые пожары. Потомъ опять раздались взрывы. Было разрушено 8 годуновскихъ башенъ и кремлевская крѣпость, сожжено 800 ящиковъ пороха и складъ бомбъ и гранатъ. Въ общемъ пожарѣ горѣли и дома, гдѣ лежало 2,000 больныхъ французовъ. По уходѣ Нея въ городѣ появились мародеры, которые нарочно остались и бросились грабить все, что было можно. Горѣвшіе больные выбрасывались изъ оконъ, выползали на улицу и гибли на морозѣ. Въ то же время показались прятавшіеся доселѣ жители Смоленска, числомъ до 700, и бросились мстить французамъ. Они схватывали мародеровъ и рѣзали ихъ безъ пощады, душили, кидали въ огонь пожаровъ. Они не щадили даже больныхъ.

Маіоръ Горихвостовъ вошелъ въ городъ, прекратилъ неистовства и поспѣшилъ затушить пожары. Кромѣ 2,000 больныхъ, онъ успѣлъ захватить оставшихся въ Смоленскѣ 40 офицеровъ, 2,075 солдатъ, 140 пушекъ и разныхъ фуръ до 600.

Въ это время Ней со своимъ корпусомъ двигался на Красный, не чувствуя своей близкой гибели.

Было холодное утро, туманъ стоялъ сплошною мглистой стѣною. Милорадовичъ, поджидая Нея, поставилъ 6-го ноября кирасировъ и корпусы князя Долгорукова и графа Строганова поперекъ дороги, Раевскаго справа, а кавалерію Корфа слѣва. Ней въ туманѣ подошелъ къ нашимъ пушкамъ на нѣсколько

шаговъ. Грянулъ залпъ изъ 40 орудій, ударили въ штыки. Все смѣшалось. Ней со всѣмъ отчаяньемъ собралъ разбитый корпусъ и бросился на проломъ, но усилія его были тщетны. Милорадовичъ послалъ офицера къ Нею съ предложеніемъ сдаться. Ней удержалъ офицера, какъ плѣннаго, чтобы тотъ не выдалъ его полнаго разстройства, и бросился искать спасенія въ бѣгствѣ. Онъ взялъ съ собою 3,000 самыхъ отчаянныхъ и скрылся. По дорогѣ у него казаки отбили 8 орудій. Ночью съ 6-го на 7-е онъ перебрался черезъ ледъ на другой берегъ Днѣпра и скрылся въ лѣсахъ. За нимъ началась погоня. Его травили до самой Орши и изъ всего своего отряда онъ привелъ къ Наполеону 500 измученныхъ, съ отмороженными руками или ногами солдатъ.

Графъ Строгановъ.

Побѣда нашихъ была полная.

Въ ночь 6-го ноября къ Милорадовичу явился посланный отъ остатковъ корпуса Нея съ заявленіемъ, что они сдаются. Ихъ оказалось 12,000 солдатъ, болѣе 100 офицеровъ и 27 орудій.

Этимъ окончились четырехдневныя побѣды Кутузова надъ французами подъ Краснымъ. Въ сраженіяхъ 3-го, 4-го, 5-го и 6-го ноября мы захватили 26,000 плѣнныхъ, изъ нихъ 6 генераловъ, 116 пушекъ и несмѣтный обозъ.

Въ награду за эти побѣды Государь повелѣлъ Кутузову именоваться Смоленскимъ; герою побѣдъ Милорадовичу былъ пожалованъ Георгій 2-й степени, Платовъ возведенъ въ графское достоинство.

Въ нашихъ войскахъ царило ликованіе.

Смоленскъ былъ очищенъ отъ французовъ, и 7-го ноября въ него была возвращена чудотворная икона.

Съ этого времени въ Смоленскѣ установлено праздновать изгнаніе враговъ ежегодно 5-го ноября торжественнымъ всенощнымъ служеніемъ передъ чудотворною иконою Пресвятыя Богородицы Одигитріи.

Въ городахъ и уѣздахъ Смоленской губерніи было сожжено и разграблено 38,088 домовъ, фабрикъ, и лавокъ. Всего разорено на 75 милліоновъ рублей. Сколько погибло людей исчислить не было возможности.

Баронъ Корфъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ ухода французовъ въ городахъ и селеніяхъ Смоленской губерніи появились собаки и волки. Въ виду жителей они несли руку, ногу, голову или часть человѣческаго тѣла и спокойно уходили съ своей добычей въ лѣсъ или поле. Жители ѣздили и ходили прямо по человѣческимъ трупамъ. Когда началась уборка тѣлъ, то ихъ свозили на подводахъ въ назначенныя мѣста впродолженіе трехъ мѣсяцевъ. Ихъ укладывали, какъ дрова—полѣнницами, и каждая такая укладка занимала полверсты длиною и 2 сажени высотой.

Эти трупы сожгли. Наступила весна, сошелъ снѣгъ, и подъ нимъ оказались опять трупы. Ихъ начали сжигать и хоронить снова.

Всего въ Смоленской губерніи было сожжено человѣческихъ труповъ 61,886, а закопано въ ямы 107,188.

Трудно представить себѣ размѣры такого бѣдствія. Не было семьи не носящей траура по близкомъ.

Всякаго оружія было оставлено и разбросано столько, что крестьяне открыли имъ своеобразный торгъ. Однѣхъ пушекъ было найдено въ губерніи 423.

Вѣроятно, Наполеонъ никогда не мыслилъ о такомъ пораженіи, которое и сейчасъ во всемірной исторіи считается единственнымъ.

Страшно воевать съ народомъ!..

Послѣ красненскихъ пораженій арміи Наполеона уже не было. Были только жалкіе остатки. Окончилось и бѣгство Наполеона съ арміей. Началась ихъ гибель...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Гибель великой арміи.

Наполеонъ бросился на Оршу.

Кутузовъ не могъ слѣдовать за нимъ тотчасъ, потому что въ это время разбивали корпусъ Нея, но онъ послалъ вслѣдъ за Наполеономъ авангардъ съ генераломъ Ермоловымъ и летучіе отряды. Наши войска безпрепятственно двигались по Оршанской дорогѣ. На пути валялись мертвые, раненые и больные французы. Толпами шли отсталые. Плѣнныхъ брали стадами Ихъ уже не записывали, а гуртомъ отдавали подъ надзоръ крестьянъ или отсылали назадъ, часто даже безъ конвоя. У солдатъ и казаковъ оказались цѣлыя богатства изъ имущества, захваченнаго въ обозахъ. Часто въ брошенныхъ каретахъ и колясках находили деньги, драгоцѣнныя вещи, предметы роскоши. Въ Лядахъ и Дубровнѣ уже появились евреи, и начался торгъ. За мѣшокъ серебряныхъ монетъ казаки охотно брали 50, много—100 рублей ассигнаціями. Открылись ярмарки. Продовались дорогіе часы, цѣнныя кружева, брилльянтовыя ожерелья, драгоцѣнное оружіе, цѣлыя пригоршни орденовъ Почетнаго Легіона.

Евреи покупали все за безцѣнокъ.

Въ нашихъ передовыхъ отрядахъ шумно и весело проходила жизнь.

А Наполеонъ мчался впередъ. Какъ раньше мечтою его было попасть въ Смоленскъ, такъ теперь онъ стремился добраться до Вильны и оттуда къ себѣ, въ Парижъ.

7-го ноября онъ ночевалъ въ Дубровнѣ, 8-го прибылъ въ

Оршу. При немъ былъ Мюратъ безъ дѣла, потому что кавалеріи уже не было и пришелъ Ней съ 500 человѣкъ вмѣсто 25.000.

Одинъ изъ очевидцевъ такъ описываетъ состояніе великой арміи по прибытіи въ Оршу: „Главная квартира Наполеона, гвардія, корпусы Даву и вице-короля шли одною толпою въ совершенномъ безпорядкѣ. Маршъ, или лучше сказать, бѣгство, къ Оршѣ былъ самою плачевною картиною, какая можетъ поразить взоры и сердце французовъ"...

Генералъ Ермоловъ.

Наполеонъ ѣхалъ верхомъ, опустивъ голову. Какія мысли тѣснились въ его мозгу, когда онъ видѣлъ ободранныхъ, обмороженныхъ, голодныхъ солдатъ, составлявшихъ когда то цвѣтъ его гвардіи?

Какъ далеки оказались его горделивыя мечтанія отъ дѣйствительности. Александръ не запросилъ мира, онъ даже не отвѣтилъ ни на одно изъ его писемъ. Оружіе Наполеона разбилось вдребезги о косы и топоры; великая армія растаяла отъ холода, голода и лишеній.

Если бы нащи войска вовсе не совершали бы своихъ побѣдъ, армія Наполеона все равно была обречена на гибель.

Все спасеніе было въ скорѣйшемъ бѣгствѣ. Наполеонъ далеко перегналъ Кутузова. Счастье и въ несчастьѣ благопріятствовало ему, и 8-го ноября онъ подлѣ Орши успѣлъ переправиться черезъ Днѣпръ по случайно уцѣлѣвшему тамъ мосту. Уничтоживъ за собою мостъ, онъ еще успѣлъ выиграть нѣсколько переходовъ.

Теперь онъ стремился къ Борисову, не подозрѣвая, что этотъ городъ уже взятъ нашими войсками.

Онъ послалъ Удино приказъ двигаться на Березину и самъ спѣшилъ туда-же со своимъ сбродомъ. Изъ состава его арміи

убѣгало все больше и больше. Многіе предпочитали отдаваться въ плѣнъ, нежели гибнуть отъ голода и стужи.

А морозы, то смѣняющіеся оттепелью, то доходящіе до 20 градусовъ, были губительны. Еще губительнѣе былъ снѣгъ. Случалось, онъ падалъ ночью, и измученные солдаты не могли уже къ утру подняться и засыпали навѣки подъ снѣжною пеленою. Почти у каждаго были отморожены руки или ноги, носъ или уши.

Въ то время, какъ Наполеонъ пришелъ въ Оршу, 8-го ноября, Кутузовъ выступилъ изъ Добраго. Пройдя еще немного и видя, что Наполеонъ ушелъ за Днѣпръ, Кутузовъ рѣшилъ пріостановить движеніе всей арміи. Она уже слишкомъ утомилась отъ усиленныхъ переходовъ. Онъ послалъ въ догонку опять того же героя Милорадовича съ корпусами Долгорукаго и Раевскаго, съ кавалеріей Корфа и 4-мя казачьими полками.

Россія уже торжествовала побѣду. Государь, еще не зная о побѣдахъ подъ Краснымъ, 3-го ноября издалъ благодарственный манифестъ, въ которомъ, передавая радостную вѣсть о бѣгствѣ Наполеона, благодарилъ весь народъ за спасеніе Отечества.

Этотъ манифестъ читался по всѣмъ церквамъ; всюду возсылались горячія молитвы, и печаль по убитымъ въ бояхъ смягчалась гордымъ сознаніемъ исполненнаго долга.

То были великіе дни сознанія народомъ своей непобѣдимой силы, своей огромной роли въ дѣлѣ спасенія родины отъ враговъ.

Еще 7-го октября графъ Витгенштейнъ взялъ Полоцкъ. Это было одно изъ кровопролитнѣйшихъ сраженій, въ которомъ впервые побывало въ огнѣ Петербургское ополченіе и оказало чудеса храбрости.

Никогда не видавшіе боя, не слыхавшіе грома оружія ополченцы смѣло кидались въ самую сѣчу и наносили безпощадные удары. Французы со страхомъ сторонились ихъ, а плѣнные спрашивали:

— Откуда и что это за люди съ крестами на шапкахъ?

Эти люди не знали врагу пощады. Проходя мимо корчившихся въ предсмертныхъ мукахъ французовъ, они говорили:

— Не ходили-бы, басурманы, на святую Русь!

Витгенштейнъ нашелъ въ нихъ драгоцѣнную поддержку.

12-го октября онъ изъ Полоцка, а графъ Штейнгель изъ Дисны двинулись на Ушачъ, гдѣ стояли корпуса Удино подъ командою Леграна, такъ какъ Сенъ-Сиръ былъ раненъ.

17-го Витгенштейнъ соединился близъ Ушача съ Штейнгелемъ и сталъ тѣснить французовъ. Они отошли въ Чашники. Здѣсь пришелъ къ нимъ на помощь Викторъ съ совершенно свѣжими, еще не бывшими въ бою, войсками.

Графъ Штейнгель.

Несмотря на его приходъ, Витгенштейнъ тронулся дальше и 19-го утромъ на зарѣ выбилъ французовъ, на штыкахъ вошелъ въ Чашники и занялъ ихъ.

Здѣсь онъ стоялъ до 9-го ноября, укрѣпившись на р. Улѣ и и не вступая въ бой, потому что Удино, подкрѣпленный Викторомъ, былъ сильнѣе его. Въ свою очередь и Викторъ съ Удино, несмотря на приказъ Наполеона вытѣснить Витгенштейна, не трогались съ мѣста.

Дунайская армія подъ начальствомъ адмирала Чичагова спѣшно двигалась къ Березинѣ. Ея авангардъ подъ командою графа Ламберта совершалъ чудеса храбрости, разбивая повсюду непріятеля.

Кутузовъ уже вошелъ въ сообщеніе съ Чичаговымъ и писалъ ему о положеніи дѣлъ, прося занимать Березину скорѣе и, вотъ, на зарѣ 8-го ноября Ламбертъ совершилъ свой послѣдній подвигъ и взялъ Борисовъ. Чичаговъ съ арміей поспѣшилъ туда же, и Борисовъ былъ занятъ.

Въ этомъ дѣлѣ Ламбертъ былъ раненъ и оставилъ командованіе, что имѣло потомъ гибельныя послѣдствія.

Раненый Ламбертъ все же успѣлъ тотчасъ послать казаковъ для открытія прямого сообщенія съ Витгенштейномъ.

Чичаговъ понялъ свое блестящее положеніе въ позиціи на Борисовѣ и отдалъ приказъ по войскамъ: „Наполеонова армія въ бѣгствѣ; виновникъ бѣдствія Европы—съ нею. Мы находимся на путяхъ его. Легко можетъ быть, что Всевышнему угодно будетъ прекратить гнѣвъ Свой, предавъ его намъ. Почему желаю я, чтобы примѣты сего человѣка были всѣмъ извѣстны. Онъ роста малаго, плотенъ, блѣденъ, шея короткая и толстая, голова большая, волоса черные. Для вящей надежности ловить и привозить мнѣ всѣхъ малорослыхъ. Я не говорю о наградѣ за сего плѣнника: извѣстныя щедроты Монарха нашего за сіе отвѣтствуютъ".

Но ему не только не удалось захватить Наполеона, но въ послѣдніе моменты войны онъ не оказался на высотѣ своего назначенія, и про него нашъ Крыловъ сложилъ свою ядовитую басню о щукѣ, захотѣвшей ловить мышей.

Наши арміи вошли въ сообщеніе и могли уже дѣйствовать согласно. Кутузовъ двигался отъ Днѣпра въ тылъ Наполеону; Чичаговъ стоялъ на Березинѣ лицомъ къ лицу съ надвигающимися французами; Витгенштейнъ стоялъ на Улѣ, и Наполеонъ съ остатками своей арміи былъ окруженъ словно сѣтью, въ которую должны были попасться всѣ, до послѣдняго солдата.

Наполеонъ не шелъ, а летѣлъ изъ Орши на Березину, гдѣ думалъ въ Борисовѣ найти переправу. Онъ послалъ повелѣнія корпусу Домбровскаго и корпусу Удино, чтобы они спѣшно шли на соединеніе съ нимъ для прикрытія переправы.

10-го ноября онъ уже былъ въ Толочино и здѣсь получилъ отъ Удино роковую вѣсть, что корпусъ Домбровскаго разбитъ и разсѣянъ, а Борисовъ взятъ и въ немъ находится Чичаговъ съ арміей.

Наполеонъ схватился за голову. „Въ нынѣшнемъ походѣ намъ суждено дѣлать однѣ глупости!" воскликнулъ онъ съ отчаяньемъ. Казалось, все рушилось. Его генералы смутились и шепотомъ стали говорить о необходимости сложить оружіе.

Наполеонъ быстро оправился.

Дѣло шло о гибели или спасеніи его самого, и онъ послалъ Удино приказаніе выбить изъ Борисова русскихъ, а если этого

Переправа черезъ Березину 16-го ноября.

нельзя, то найти мѣсто выше или ниже Борисова и навести черезъ Березину два моста.

Слѣдомъ за этимъ онъ разсмотрѣлъ карту Россіи и, найдя на ней переправу у Веселово, послалъ Удино вторичное повелѣніе занять Веселово и тамъ наводить мосты.

Послѣ этого онъ началъ готовиться къ переправѣ. Онъ приказалъ принести къ себѣ всѣ орлы и сжегъ ихъ; собралъ всѣхъ всадниковъ и составилъ изъ нихъ эскадронъ въ 500 человѣкъ, велѣлъ истребить всѣ лишніе экипажи и взять всѣхъ лошадей подъ артиллерію.

Медлить было нельзя. Сзади надвигался Платовъ и тѣснилъ его арьергадъ. 11-го ноября Наполеонъ кинулся въ Бобръ.

До 9-го ноября Викторъ, Удино, а потому и нашъ Витгенштейнъ, не трогались съ мѣста. Но вотъ отошелъ Удино, за нимъ Викторъ, и Витгенштейнъ быстро двинулся къ Березинѣ.

Викторъ присоединился къ Наполеону у Бобра. Наполеоновскіе солдаты были поражены блестящимъ видомъ пришедшихъ товарищей, а Викторъ еще болѣе видомъ великой арміи и ея генераловъ.

Это былъ сбродъ, а не войско; плохо вооруженные смѣшивались съ безоружными. Команды не слушались. Офицеры и генералы были завернуты въ шубы, шали, пестрыя одѣяла. Наполеонъ былъ мраченъ.

Теперь все зависѣло отъ Удино, и вдругъ счастье снова улыбнулось Наполеону. Удино внезапнымъ нападеніемъ отбилъ у Чичагова Борисовъ и послалъ отряды вверхъ и внизъ искать мѣста для переправы.

Эта побѣда произошла вслѣдствіе полной безпечности и нераспорядительности Чичагова. Занявъ Борисовъ, онъ даже не посылалъ разъѣздовъ и допустилъ Удино напасть на него внезапно.

Чичагову оставалось только бродить вдоль Березины и сторожить Наполеона, не давая ему переправиться.

12-го ноября Наполеонъ уже шелъ на Борисовъ. И снова счастье улыбнулось ему. Удино совершенно случайно нашелъ бродъ у Студянки и тотчасъ приступилъ къ постройкѣ мостовъ. Для того же, чтобы обмануть Чичагова, онъ послалъ отрядъ

внизъ по Березинѣ на Ухолоду и велѣлъ ему рубить тамъ лѣсъ, дѣлая видъ, что готовится переправа. Въ то же время онъ собралъ евреевъ и подробно распрашивалъ ихъ о дорогѣ на Минскъ, послѣ чего отпустилъ ихъ, взявъ клятву, что они сохранятъ въ тайнѣ весь разговоръ.

Онъ былъ увѣренъ, что они тотчасъ передадутъ всѣ слова русскимъ, что и совершилось.

Чичаговъ былъ совершенно обманутъ.

Онъ 13-го почти со всей арміей двинулся къ Шибашевичамъ, сполавъ къ Борисову небольшой отрядъ Чаплица.

Наполеонъ уже стянулъ къ переправѣ всѣ войска. Отъ Витгенштейна его заслонялъ корпусъ Виктора, отъ Кутузова онъ спасся быстротою движенія, Чичаговъ былъ обманутъ.

На разсвѣтѣ 14-го ноября Наполеонъ пріѣхалъ въ Студянку, къ которой ночью уже стянулись всѣ войска. Считая корпуса Виктора и Удино, у Наполеона было всего 60—70 тысячъ, изъ которыхъ половина была безоружныхъ, женщинъ и дѣтей. Онъ велѣлъ для прикрытія поставить 40-пушечную батарею и началъ спѣшно наводить мосты.

Небольшой отрядъ Корнилова усмотрѣлъ переправу и послалъ о ней извѣщеніе, но помѣшать не могъ.

Кавалерія перебралась вплавь, на паромахъ переѣхала часть пѣхоты и разсыпалась по берегу. Корниловъ былъ слишкомъ слабъ, и Наполеонъ съ торжествомъ воскликнулъ:

— Моя звѣзда опять взошла!

Переправа была обезпечена, но какою цѣной она досталась.

Послѣ полудня 14-го Ноября первый мостъ былъ уже наведенъ и заколыхался подъ тяжестью войскъ. Первымъ переправился Удино и тотчасъ устремился очищать дорогу на Вильну.

Услышавъ о переправѣ, Чаплицъ бросился отъ Борисова къ Студянкѣ, но и его силы были ничтожны, чтобы остановить убѣгающія войска.

Въ теченіе 14-го и 15-го ноября французы почти безпрепятственно переправлялись на другой берегъ и только 16-го приблизился Платовъ, а за нимъ Витгенштейнъ, и началась гибель оставшихся французовъ. Казаки бросились на батареи и сбили ихъ. Наша артиллерія громила мостъ, и ядра ложились на него

Сдача въ плѣнъ графу Витгенштейну отряда французской арміи при Березинѣ 17-го ноября 1812 года.

прямо въ середину движущейся толпы. Произошло невѣроятное смятеніе. Взрывались зарядные ящики, грудами лежали тѣла. По мосту нельзя было двигаться.

Непріятель бросился на ледъ, но ледъ обломился и люди тонули сотнями.

Защищавшій переправу Викторъ дрался, какъ левъ. Онъ поставилъ свои войска полукругомъ, спиной къ мосту, и отбивалъ нападенія.

Несчастные изнеможенные солдаты потеряли энергію и перестали думать о переправѣ. Чтобы побудить ихъ, Наполеонъ отдалъ приказъ въ 5 час. утра зажечь мостъ, и снова все заволновалось и бросилось къ переправѣ.

Теперь уже и Викторъ искалъ спасенья.

Наступилъ разсвѣтъ. Къ ужасу французовъ показались пики донцовъ. Генералъ, пріѣхавшій сжечь мостъ, отдалъ приказаніе. Люди бросились прямо въ рѣку. Мостъ запылалъ. Березина въ мѣстѣ переправы заполнилась трупами до того, что по нимъ можно было итти, какъ по мосту. Въ воздухѣ стоялъ стонъ. Гибли женшины и дѣти. Пылающій мостъ трещалъ и сыпалъ искры и на все падалъ холодный жесткій снѣгъ и крутился въ поднявшейся метели.

Всетаки Наполеонъ ускользнулъ съ остатками арміи и устремился черезъ Молодечно, Сморгонь и Ошмяны на Вильну.

Пространство около Студянки и мостовъ болѣе, чѣмъ на квадратную версту было занято каретами, колясками, фурами съ награбленнымъ у насъ добромъ. Ничего не досталось французамъ.

Тутъ же стояло 12 пушекъ, брошенныхъ Викторомъ. Витгенштейнъ забралъ до 13,000 плѣнныхъ. Эти плѣнные въ жалкихъ рубищахъ полузамершіе просили только куска хлѣба. Наши давали имъ горстями сухари.

Наполеонъ, закутанный въ шубу, ѣхалъ на Камень. Морозъ достигъ 20 градусовъ, и отступающая армія бросила на произволъ судьбы всѣхъ своихъ больныхъ и раненыхъ. Они падали на снѣжную дорогу и умирали въ мученіяхъ.

Потери Наполеона были громадны. При переправѣ онъ оставилъ въ плѣну до 20,000, столько же онъ потерялъ убитыми, но

все же успѣлъ уйти не только самъ, но и увести остатки своей арміи.

Правда, не далеко.

Между тѣмъ, онъ былъ совершенно въ нашихъ рукахъ и, если выскользнулъ, то только благодаря неумѣлости Чичагова.

Такъ или иначе, Наполеонъ бѣжалъ. Война приходила къ концу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Бѣгство Наполеона и послѣдніе дни войны.

17-го ноября закончилась вся переправа, а Наполеонъ не дожидаясь послѣднихъ войскъ уже стремительно несся по Виленской дорогѣ на Сморгонь, гдѣ надѣялся найти запасы. Слѣдомъ за нимъ по пятамъ шелъ Чаплицъ; другъ за другомъ переправлялись черезъ Березину Чичаговъ, Платовъ, Ермоловъ, Милорадовичъ, Витгенштейнъ,—и все это въ спѣшныхъ маршахъ шло за Наполеономъ, стремясь пресѣчь ему путь, докончить истребленіе арміи, не дать возможности соединиться съ корпусами Макдональда, Шварценберга, Ренье и Ожеро.

Кутузовъ былъ на походѣ въ Ушу, когда узналъ о томъ, что Наполеонъ прорвался. Досада Кутузова была чрезвычайна. Мечта, захватить всю армію вмѣстѣ съ Наполеономъ, рушилась. Но помочь дѣлу было уже нельзя и, отдавъ необходимыя распоряженія, онъ самъ устремился за Березину.

Наполеонъ шелъ на Сморгонь, приказывая находившемуся въ Вильнѣ Маре выслать туда какъ можно болѣе хлѣба, вина и мяса и спѣшно укрѣплять Вильну, куда велѣлъ направить всѣ оставшіяся войска.

Безумецъ еще одно мгновенье тѣшилъ себя мыслію укрѣпиться въ Вильнѣ!

Между тѣмъ никто въ Вильнѣ, и даже ни одинъ изъ иноначальниковъ союзныхъ войскъ, не зналъ объ его пораженіяхъ.

Ложь принесла свои плоды. Макдональдъ, Ренье и Шварцен-

бергъ, получая извѣстія черезъ Маре, были увѣрены, что Наполеонъ вездѣ одерживаетъ побѣды, и потому не трогались съ мѣстъ.

Даже въ послѣдній мигъ, перейдя Березину, онъ велѣлъ извѣстить Шварценберга, что разбилъ Чичагова и Витгенштейна, взявъ у нихъ 6.000 плѣнныхъ, что о князѣ Кутузовѣ нѣтъ и помину, а самъ онъ идетъ въ Вильну на зимнія квартиры.

Между тѣмъ растройство того, что было прежде арміей, дошло до самыхъ послѣднихъ предѣловъ.

Едва остатки войскъ 18-го ноября вытянулись изъ лѣса, какъ Чаплицъ напалъ на Виктора и отбилъ 7 пушекъ; 19-го, уже вмѣстѣ съ Платовымъ, онъ снова напалъ на него и отбилъ опять 7 орудій.

Ко всему на французовъ въ эти послѣдніе дни ополчилась сама стихія. Съ 16-го ноября установились морозы въ 20 и больше градусовъ. 22-го ноября былъ такой морозъ, что спирало дыханье.

Стиснувъ зубы, враги шли и бѣжали въ безмолвномъ отчаяньѣ; ноги обвертывали попонами, ранцами, старыми шляпами, завертывались въ мѣшки, въ рогожи, въ солому и сѣно. Добыть лошадиную шкуру считалось блаженствомъ. За обладаніе ею подстерегали счастливца и безжалостно убивали его. Не находя нигдѣ крова, непріятель жегъ на пути своемъ дома, клѣти, хлѣва, заборы, для того только, что бы согрѣться хоть на одномъ ночлегѣ. На пожарищахъ лежали кучи солдатъ. Приблизившись къ огню, они не имѣли болѣе силы отойти отъ него. Русскимъ случалось заглядывать въ полусгорѣвшія корчмы. Посрединѣ обычно находился тлѣющій огонекъ, а вокругъ на землѣ замерзшіе непріятели. Ближайшіе къ огоньку еще шевелились. Прочіе въ искривленномъ положеніи съ судорожно сведенными лицами лежали, какъ окаменѣлые. У многихъ вмѣсто слезъ, выступала изъ глазъ кровь. Подобно тѣнямъ бродили они по пепелищамъ и снѣжной пустынѣ, гдѣ не было ни движенія, ни жизни; опершись на палки или ружья, они шатались, какъ пьяные.

Иные падали отъ потери силъ, иные словно въ бреду брели въ сторону отъ дороги, всѣ съ отмороженными руками или ногами.

Биваки были также пагубны, какъ и сильные дневные марши Приходя къ ночлегу, изнеможенные, солдаты, бросались вокругъ

Великая армія въ Вильнѣ.

огней прямо на землю. Крѣпкій сонъ одолѣвалъ ихъ, и они засыпали навѣки, прежде нежели догорали огни.

Невсегда имъ удавалось и прилечь, потому что ихъ тревожили донцы. При одномъ крикѣ „казакъ!“ они вскакивали и бѣжали, какъ безумные. Плѣнными давно уже пренебрегали. Ихъ цѣлыми тысячами отправляли въ сопровожденіи одного, двухъ казаковъ или поселянъ, при чемъ нерѣдко ихъ, словно стадо, гнали бабы. Разность чиновъ и отличій исчезла. Генералъ подходилъ погрѣться къ костру, и на него грубо кричалъ солдатъ: „принеси свое полѣно“. Случайно найденную замерзшую картошку тотъ же генералъ пряталъ, какъ сокровище, и ѣлъ, какъ воръ.

Наполеонъ, не доходя Сморгони, понялъ, что арміи у него нѣтъ и сталъ думать о личномъ своемъ спасеніи. Надо было бѣжать изъ Россіи.

Дорога къ границѣ еще не была преграждена нашими войсками, но мысль, какъ вернуться въ Парижъ, сильно смущала его.

Онъ вралъ все время.

Въ то время, какъ онъ терпѣлъ пораженіе за пораженіемъ, въ Парижѣ съ восторгомъ и гордостью, а въ Европѣ со страхомъ и уваженіемъ, читали объ его побѣдахъ.

Наполеонъ рѣшилъ сразу выйти изъ ложнаго положенія и сочинилъ свой послѣдній, счетомъ 29-ый, отчетъ, въ которомъ описалъ гибель арміи отъ морозовъ.

Лошади, по его описанію, погибали тысячами. Въ нѣсколько дней 30.000! Пришлось бросить артиллерію и обозъ. Стали погибать люди. И здѣсь онъ описалъ гибель арміи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Этимъ похороннымъ отчетомъ онъ какъ бы приготовилъ Европу къ своему появленію изъ Россіи безъ войска и побѣдъ.

Между тѣмъ, наши, преслѣдуя непріятеля по пятамъ, буквально добивали его. Викторъ, находящійся въ арьергардѣ, былъ разбитъ. Пушки, знамена, штандарты, казенныя бумаги, деньги доставались намъ безъ счета. Морозъ свирѣпѣлъ; измученный непріятель прибѣжалъ въ Сморгонь 29-го ноября; солдаты бросились на магазины и сразу разграбили ихъ, что бы начать снова голодать.

Наполеонъ рѣшилъ бѣжать изъ Россіи.

Бѣгство Наполеона изъ Россіи.

Онъ собралъ маршаловъ, сказалъ имъ напыщенную рѣчь и объявилъ, что ѣдетъ во Францію собрать новую армію, оставляя Мюрата главнымъ начальникомъ всего войска.

Маршалы поникли головами. Каждый думалъ, что и самъ-бы онъ не прочь уйти изъ этой ужасной страны, а Мюратъ уже давно мечталъ вернуться въ Неаполь. Между тѣмъ Наполеонъ отдавалъ приказы. Онъ велѣлъ Мюрату держаться въ Вильнѣ!

Затѣмъ простился съ маршалами и быстро ускакалъ, боясь показаться покинутой арміи.

Несчастные солдаты, узнавъ объ его бѣгствѣ, послали ему вслѣдъ свои проклятія.

Наполеонъ мчался. Онъ сидѣлъ въ каретѣ съ Коленкуромъ, собираясь подъ его именемъ проѣхать черезъ Германію. На козлахъ сидѣлъ неразлучный съ нимъ мамелюкъ Рустанъ и польскій офицеръ, а сзади въ саняхъ ѣхали Дюрокъ и генералъ Мутонъ.

Морозъ дошелъ до 29 градусовъ. Наполеонъ мерзъ и былъ голоденъ. Ночью онъ проѣхалъ черезъ Ошмяны, вокругъ которыхъ рыскали казаки Сеславина. Знай объ его проѣздѣ партизаны, Наполеонъ не миновалъ-бы плѣна. Стыдясь своего положенія, недавній герой не рѣшился ѣхать черезъ Вильну, а крадучись объѣхалъ ее и во всю лошадиную прыть помчался въ Ковно, откуда выѣхалъ на зарѣ 26-го ноября.

Пробылъ онъ въ Россіи всего 5 мѣсяцевъ и 14 дней, но за это время погубилъ больше милліона жизней, разорилъ цѣлую страну, осквернилъ русскіе храмы.

Армія, оставленная Наполеономъ, была поражена его измѣной. Всякое начальство надъ ней утратило значенье. Стаей голодныхъ волковъ толпа ворвалась въ Вильну и занялась грабежемъ.

Къ Вильнѣ подошелъ Сеславинъ, за нимъ Платовъ и погнали остатки дальше. 28-го ноября въ 4 часа Мюратъ съ Бертье выѣхали изъ Вильны въ каретѣ; за ними ѣхали, окутанные во что попало, маршалы Даву, вице-король, Мартье, Лефербъ и Бессьеръ, а слѣдомъ тащилась жалкая, почти безоружная толпа. Ней шелъ позади и отбивался.

30-го ноября Кутузовъ въѣхалъ въ Вильну, и жители въ третій разъ измѣнили свои настроенія и встрѣтили его съ торжествомъ и весельемъ, какъ ранѣе Наполеона, а еще ранѣе Александра.

Вечеромъ на иллюминаціи свѣтились транспранты съ надписью: „Избавителю Отечества".

Платовъ, между тѣмъ, со своими казаками гналъ французовъ, не давая имъ отдыха. Толпа жалкихъ оборванцевъ бѣжала сломя голову. Это все, что оставалось отъ арміи, которая считала въ своемъ составѣ 700.000!

Это бѣгство было полно ужаса.

Метели, морозъ, голодъ и безпощадные казаки гнали остатки русскихъ враговъ. Люди отъ голода бросались на падаль, сосали кровь, рвали ее зубами и падали въ мукахъ голодной смерти. Находили мертвыхъ съ кускомъ падали въ рукахъ, съ кускомъ замерзшаго кала или впившихся зубами въ собственную руку, полузамерзшіе тащились къ огню и прямо въ пламя совали руки, ноги, голову. Грызли своихъ мертвыхъ товарищей, сходили съ ума и, безумные, прыгали по снѣгу съ дикимъ хохотомъ.

Такъ погибали люди, слѣпо вѣрившіе въ звѣзду Наполеона и обреченные имъ на жертву своего честолюбія.

2-го декабря Платовъ нанесъ несчастнымъ послѣднее пораженіе въ Ковно при бѣгствѣ ихъ черезъ Нѣманъ.

Мюратъ увелъ съ собою 1.500 вооруженныхъ солдатъ съ 9 пушками и толпу безоружныхъ въ 13.000.

Но и они почти всѣ погибли за Нѣманомъ отъ стужи и голода.

Отъ 5-го декабря Кутузовъ написалъ донесеніе Государю, оканчивая его словами: „Исполнились слова Вашего Императорскаго Величества! усѣяна дорога костьми непріятельскими. Да вознесетъ всякій россіянинъ благодарственныя молитвы ко Всевышнему, а я почитаю себя счастливѣйшимъ изъ подданныхъ, бывъ благодѣтельною судьбою исполнителемъ Высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества".

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Конецъ войны 1812-го года.

Корпусы австрійцевъ, подъ начальствомъ Шварценберга; саксонцевъ, подъ начальствомъ Ренье, и пруссаковъ, подъ начальствомъ Макдональда, узнавъ о гибели Наполеоновской арміи, безъ всякихъ сраженій вошли съ нами въ переговоры и ушли изъ Россіи съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ году сдѣлаться нашими союзниками.

Послѣдними ушли пруссаки—19-го декабря.

Война окончилась.

Получивъ донесеніе о занятіи Вильны, Государь отправился изъ Петербурга въ ночь съ 6-го на 7-е декабря.

11-го декабря Кутузовъ въ полной генеральской формѣ, въ какой не видѣли его ни разу во время похода, стнялъ у подъѣзда замка, держа въ рукахъ рапортъ.

Блѣдные лучи догоравшаго солнца освѣщали его лицо, покраснѣвшее на морозѣ.

Вокругъ него стояли его славные сподвижники, оказавшіеся въ Вильнѣ, и въ торжественномъ молчаніи ждали мговенья, когда ихъ вождь донесетъ лично Государю о спасеніи отечества.

Въ 5 часовъ вечера раздались на улицахъ крики народа, привѣтствующаго Государя, и ко двору замка бѣшено подскакала тройка, мча открытыя сани, въ которыхъ занесенный снѣгомъ и инеемъ сидѣлъ Александръ.

Князь Кутузовъ сбѣжалъ внизъ ему навстрѣчу. Государь выскочилъ изъ саней и жарко обнялъ вождя, послѣ чего, поздоровавшись съ карауломъ и свитой, держа Кутузова за руку, прошелъ въ замокъ, прямо въ свой кабинетъ.

Онъ долго затѣмъ бесѣдовалъ съ Кутузовымъ, а когда Кутузовъ вышелъ, къ нему поспѣшилъ оберъ-гофмаршалъ, графъ Толстой, и поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ орденъ св. Георгія 1-й степени.

На другой день 12-го декабря праздновалось рожденіе Императора.

Послѣ торжественныхъ обѣдни и молебна Государь прибылъ во дворецъ и въ лицѣ собравшихся генераловъ благодарилъ армію, сказавъ: „вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу“.

Въ тотъ же день Государь обѣдалъ у Кутузова, и во время обѣда стрѣляли изъ французскихъ пушекъ французскимъ порохомъ.

Вечеромъ у Кутузова былъ балъ. Къ этому дню отъ атамана Платова были присланы отнятыя имъ у французовъ знамена и, едва Государь вошелъ въ освѣщенный залъ, какъ музыка заиграла „Коль славенъ“ и Кутузовъ сложилъ присланныя знамена къ ногамъ Государя.

Этотъ моментъ вѣнчалъ торжество Россіи.

Съ уходомъ послѣднихъ отрядовъ Наполеоновскихъ войскъ, во время пребыванія Государя въ Вильнѣ, страшная война окончилась.

25-го декабря возвѣщено было Государемъ о благополучномъ окончаніи ея особымъ манифестомъ.

Описавъ въ немъ кратко наглое поведеніе Наполеона, ужасы и скверну, внесенныя имъ къ намъ съ войною, и затѣмъ пораженіе и гибель его полчищъ, Государь закончилъ манифестъ такими словами:

„... Кто могъ сіе сдѣлать? Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующаго войсками нашими, знаменитаго полководца, принесшаго безсмертныя отечеству заслуги, ни у другихъ искусныхъ мужественныхъ вождей и военонначальниковъ, ознаменовавшихъ себя рвеніемъ и усердіемъ, ни вообще у всего храбраго нашего воинства, можемъ сказать, что содѣянное ими превыше силъ человѣческихъ.

Итакъ, да познаемъ въ великомъ дѣлѣ семъ Промыслъ Божій. Повергнемся передъ святымъ Его Престоломъ и, видя ясно руку Его, покаравшую гордость и злочестье, вмѣсто тщеславія и киченія о побѣдахъ нашихъ, научимся изъ сего великаго и страшнаго примѣра быть кроткими и смиренными законовъ и воли Его исполнителями, не похожими на сихъ отпадшихъ отъ вѣры осквернителей храмовъ Божьихъ, враговъ нашихъ, которыхъ тѣла въ несмѣтномъ количествѣ валяются пищею псамъ и вранамъ! Великъ Господь нашъ Богъ въ милостяхъ и въ гнѣвѣ

Своемъ! Пойдемъ благостью дѣлъ и чистотою чувствъ и помышленій нашихъ, единственнымъ ведущимъ къ Нему путемъ, въ храмъ святости Его и тамъ, увѣнчанные отъ руки Его славою, возблагодаримъ за изліяннныя на насъ щедроты и припадемъ къ нему съ теплыми молитвами, да продлитъ милость Свою надъ нами и, прекратя брани и битвы, ниспошлетъ къ намъ побѣдъ побѣду—желанный миръ и тишину".

Въ тотъ же день онъ подписалъ приказъ по арміи, въ которомъ было сказано:

„Воины! Храбрость и терпѣніе ваши вознаграждены славою, которая не умретъ въ потомствѣ. Имена и дѣла ваши будутъ переходить изъ устъ въ уста, отъ сыновъ ко внукамъ и правнукамъ вашимъ до самыхъ позднихъ родовъ. Хвала Всевышнему! Рука Господня съ нами и не оставитъ насъ. Уже нѣтъ ни одного непріятеля на лицѣ земли нашей. Вы по трупамъ и костямъ ихъ пришли къ предѣламъ Имперіи".

Православная россійская церковь ежегодно съ 1812 года празднуетъ въ день Рождества Христова избавленіе Россіи отъ нашествія двунадесяти языковъ. Для этого составлено особенное благодарственное молебствіе за спасеніе государства съ поминовеніемъ воиновъ, положившихъ животъ свой за отечество.

Война эта не имѣетъ равныхъ себѣ въ исторіи.

Изъ 700,000 непріятелей, введенныхъ въ Россію Наполеономъ, не вернулось и десятой части въ предѣлы своего отечества. Слишкомъ 400,000 людей погибло убитыми въ сраженіяхъ, умершими отъ болѣзней, замерзшими, утонувшими и около 200,000 осталось у насъ плѣнными.

Въ губерніяхъ Московской, Смоленской, Калужской, бѣлорусскихъ и литовскихъ сожжено и зарыто около 306,000 труповъ. До сихъ поръ иногда попадаются кости на Бородинскомъ полѣ.

Въ Ковно уложено было на льду, а потомъ спущено въ Нѣманъ 15,000 труповъ.

Побѣдными трофеями намъ досталось до 100 знаменъ и штандартовъ и болѣе 1,000 пушекъ.

Эти пушки, какъ памятникъ, свезены въ Москву и сложены въ Кремлѣ, а знамена и штандарты поставлены въ Петербургѣ въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ находится и могила Кутузова.

Въ память этой войны сооружены и поставлены: соборъ Христа Спасителя въ Москвѣ; статуи Кутузова и Барклая де Толли передъ Казанскимъ соборомъ въ Петербургѣ; памятникъ въ Тарутинѣ, памятникъ на Бородинскомъ полѣ и памятникъ у переправы черезъ Березину.

Съ той поры минуло 100 лѣтъ, но и въ настоящее время свѣжо воспоминаніе этой страшной и великой войны, настолько память о ней запечатлѣлась въ умахъ и сердцахъ всѣхъ русскихъ. Священная для насъ память о страницахъ, записанныхъ во всемірной исторіи кровью нашихъ предковъ.

Будемъ же чтить ее вовѣки.

КОНЕЦЪ.

Приложенiе.

Перечень важнѣйшихъ моментовъ Отечественной войны въ хронологическомъ порядкѣ.

Апрѣля 9-го.	Государь выѣхалъ изъ Петербурга въ Вильну, гдѣ стоитъ 1-я Западная армiя.
Мая 17-го.	Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена къ границамъ Россiи.
Iюня 11-го.	Наполеонъ прiѣхалъ въ Ковно.
„ *12-го.*	Войска Наполеона перешли Нѣманъ и вторглись въ Россiю.
„ *14-го.*	Государь на зарѣ изъ Вильны выѣхалъ въ Свѣнцяны.
„ *15-го.*	Передъ нашимъ авангардомъ показался непрiятель въ густыхъ колоннахъ. 1-я армiя двинулась къ Сѣвнцянамъ.
„ *16-го.*	Наполеонъ занялъ Вильну.
„ *23-го.*	Первый бой на берегу Дисны, гдѣ Мюратъ хотѣлъ помѣшать нашей переправѣ.
„ *27-го.*	1-я армiя вступила въ Дрисскiй лагерь.
Iюля 9-го.	Государь прибылъ въ Смоленскъ. Между Даву и 2-й армiей былъ бой у Солтановки.
„ *11-го.*	Государь прибылъ на послѣднюю станцiю передъ Москвою.
„ *13-го, 14-го и 15-го.*	Бои у Островны, у Кукувичино и подъ Витебскомъ.
„ *19-го.*	Битва при Клястицѣ, въ которой Витгенштейнъ отбросилъ отъ Пскова Удино. 1-я армiя пришла въ Смоленскъ.
„ *21-го.*	Багратiонъ, обогнавъ армiю, прiѣхалъ въ Смоленскъ на свиданiе съ Барклаемъ-де-Толли.
„ *22-го.*	Въ Смоленскъ пришла 2-я армiя. Государь вернулся въ Петербургъ.

Августа	*2-го.*	Наполеонъ перешелъ Днѣпръ, собралъ армію въ 200 тысячъ и аттаковалъ Красный.
„	*4-го и 5-го.*	Бой подъ Смоленскомъ.
„	*6-го.*	Наполеонъ занялъ развалины Смоленска.
„	*8-го.*	Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ нашихъ войскъ.
„	*17-го.*	Кутузовъ прибылъ въ Гжатскъ и отравился къ арміи.
„	*26-го.*	Бородинскій бой.
Сентября	*1-го.*	Совѣтъ въ Филяхъ. Кутузовъ рѣшилъ отдать Москву.
„	*3-го.*	Наполеонъ вступилъ въ Москву.
„	*4-го, 5-го, 6-го и 7-го.*	Пожаръ Москвы.
„	*20-го.*	Армія Кутузова вступила въ Тарутинскій лагерь.
Октября	*6-го.*	Битва при Тарутинѣ. Французы начали выступать изъ Москвы.
„	*7-го.*	Наполеонъ оставилъ Москву.
„	*8-го.*	Послѣдній французскій отрядъ оставилъ Москву, взорвавъ Кремль въ 5 мѣстахъ.
„	*11-го.*	Русскій отрядъ вступилъ въ Москву. Кутузовъ вышелъ изъ Тарутина.
„	*13-го.*	Сраженіе подъ Мало-Ярославцемъ.
„	*14-го.*	Первая церковная служба въ Москвѣ со времени ухода французовъ.
„	*22-го.*	Сраженіе при Вязьмѣ. Вьюга.
„	*28-го.*	Разбитая великая армія добралась до Смоленска Морозъ 19 гр.
Ноября	*3-го.*	Первый бой подъ Краснымъ. Нанесено пораженіе Наполеону.
„	*4-го.*	Второй бой подъ Краснымъ. Разбитъ вице-король.
„	*5-го.*	Третій бой подъ Краснымъ. Нанесено пораженіе Даву. Ней оставилъ Смоленскъ, взорвавъ башни и произведя пожаръ города.
„	*6-го.*	Четвертый бой подъ Краснымъ. Разбитъ Ней.
„	*15-го.*	Первый день переправы черезъ Березину. Морозъ 16 гр.

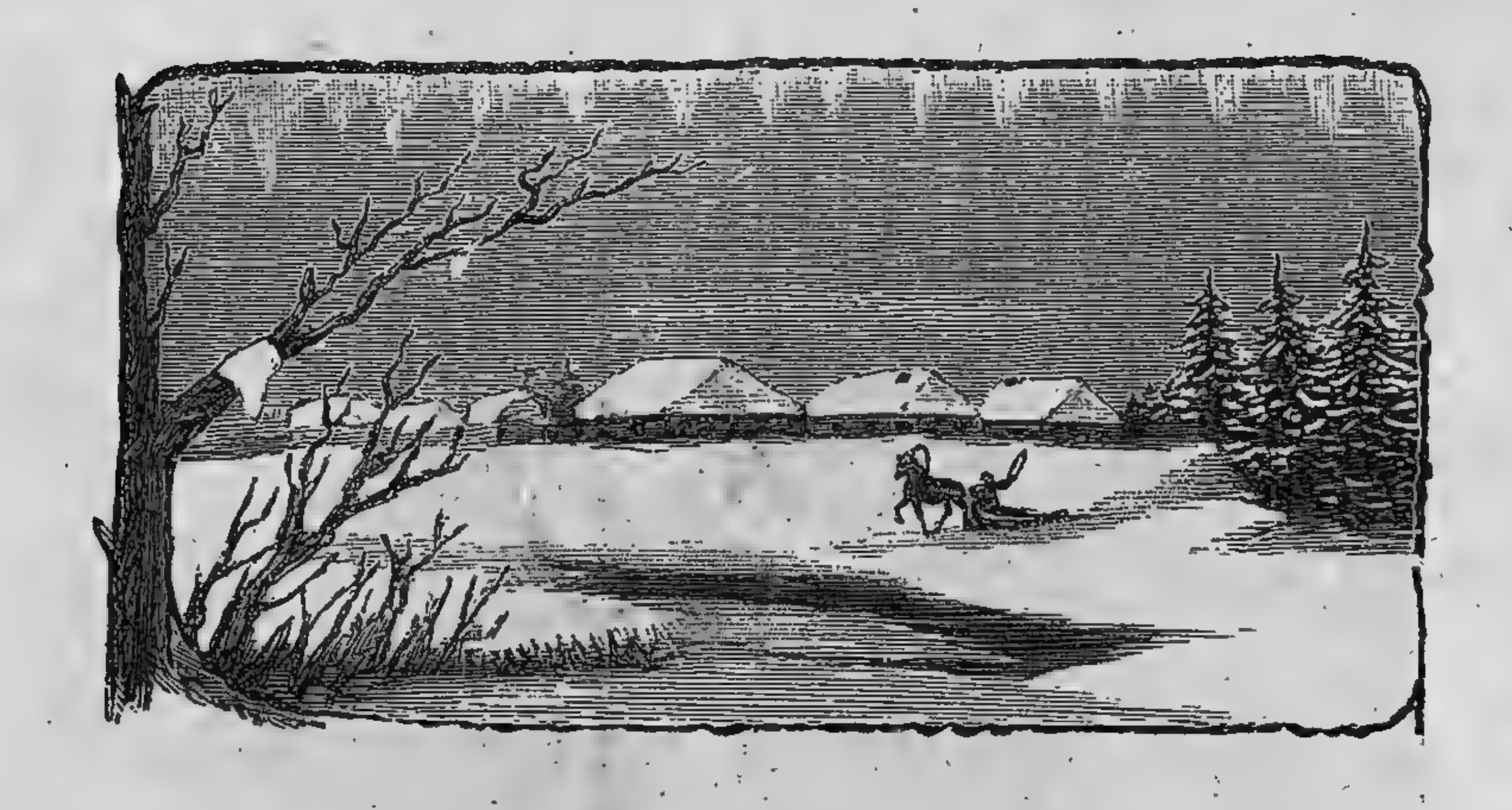
Ноября 16-го. Второй день переправы черезъ Березину. Морозъ 18 гр.
„ *17-го.* Третій день переправы. Морозъ 22 гр.
„ *24-го.* Наполеонъ оставилъ армію.
„ *26-го.* Наполеонъ бѣжалъ черезъ Ковно. Морозъ 29 гр.
„ *27-го.* Французы прибѣжали въ Вильну. Морозъ 12 гр.
„ *28-го.* Наши войска вступили въ Вильну. Французы бѣжали въ Ковно. Морозъ 20 гр.
„ *30-го.* Кутузовъ вступилъ въ Вильну. Морозъ 16 гр.
Декабря 2-го. Платовъ подъ Ковно добилъ остатки. Ушло за Нѣманъ 1,000 вооруженныхъ и 8,000 безоружныхъ.
„ *11-го.* Государь прибылъ въ Вильну.
„ *19-го.* Ушелъ послѣдній союзный корпусъ Макдональда.
„ *25-го.* Высочайшіе манифестъ и приказъ по войскамъ.

Отечественная война продолжалась 6 мѣсяцевъ и три дня.

Бѣдствіе великой арміи въ концѣ ноября 1812.

Оглавленіе.

